

**Елена Владимировна Доброва
Светлана Александровна Хворостухина
Екатерина Геннадьевна Горбачева
Галина Анатольевна Гальперина
Гениальные аферы
Серия «Колесо фортуны»**

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5978302
Гениальные аферы: Вечер; М.; 2002
ISBN 5-94538-264-7

Аннотация

Слово «афера» можно определить как обман, жульничество, мошенничество, сомнительная сделка. Соответственно, аферист – это человек без стыда и совести, обманщик, ради корысти выдававший себя за других людей, совершавший различные махинации и нечестные поступки. Самые известные самозванцы, спекулянты, взяточники, строители финансовых пирамид, фальшивомонетчики и вымогатели, знаменитые воры и мошенники – именно о них пойдет речь в этой книге, которая открывает новую серию издательства «Вече» «Колесо фортуны». В этой серии читателей ждут встречи с самыми известными и скандальными преступлениями, убийствами, ограблениями, побегами, терактами, супружескими изменами, банкротствами и т. д. Колесо фортуны всегда непредсказуемо и ждать от него приходится всякого...

Содержание

Введение	4
Часть 1	6
Лжебардия	7
Гений перевоплощения	12
Григорий Отрепьев (Лжедмитрий I)	21
Тушинский вор (Лжедмитрий II)	30
Албанский принц с итальянским гражданством	33
История графа де Бонневаля (Ахмет-паша)	36
Степан (Стефан) Малый	41
Тайна Иоанна XIII	49
Тимофей Анкудинов, первый космополит	55
Часть 2	60
Фальшивомонетчики античности	61
Фальшивые деньги Вечного города	66
Пороки «красивого» короля	69
Венценосный мошенник	73
«Пекарь античности»	77
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Гениальные аферы

Галина Гальперина, Екатерина Горбачева, Елена Доброва, Светлана Хворостухина

Введение

Во все времена в мире находилось место обману и корысти. Непреодолимое стремление к власти и богатству заставляло многих людей действовать в обход всяческих законов и вопреки моральным установкам. Так появились аферисты. Циничные, жадные, жестокие, они пытались любой ценой добиться поставленной цели, не гнушаясь при этом никакими средствами. «Цель оправдывает средства» – их лозунг в жизни, и порой ради достижения желаемого результата они готовы были идти по трупам.

Власть, слава, деньги... Какие страсти вокруг них разгорались! Не сосчитать, сколько судеб они загубили! Истории известно немало примеров, когда люди без роду без племени, томимые жаждой власти, присваивали себе имена известных личностей, которые когда-то стали жертвой коварных убийц. Самозванство по праву можно назвать древнейшей из афер, возникших на заре развития цивилизации. Мнимые цари заявили о себе практически одновременно с появлением первых государств и централизованной власти, за которую во все времена велась непримиримая борьба. В подтверждение этой мысли достаточно привести один пример. Лжебардия, выдававший себя за убитого брата персидского царя Кира, жил в VI веке до н. э. в одном из первых в мире государств.

Немалый интерес вызывает тот факт, что особенно много самозванцев появлялось в России. Более того, ни в одной стране самозванство не оказывало столь сильного влияния на взаимоотношения общества и государства. И, что еще более удивительно, некоторым из мнимых властителей, например Григорию Отрепьеву, в конце концов удавалось достичь своей цели. В XVII столетии на территории России действовало примерно 20 самозванцев, а в XVIII веке подобных проходимцев насчитывалось около 40. Нередко они до того вживались в свою роль, что полностью отождествляли себя с людьми, имена которых присваивали. Например, Пугачев начинал плакать, рассматривая портрет Павла, которого он называл своим сыном.

Наряду с аферами политическими, пожалуй, самыми распространенными во все времена были аферы финансовые. Жажда наживы не давала покоя многим мошенникам, которые за звон монет и блеск драгоценных металлов готовы были пойти на все. Как только начали чеканить первые монеты, сразу же появились мастера, научившиеся их подделывать. Фальшивомонетничество процветало уже в период античности. С течением времени подделывать деньги становилось все сложнее и сложнее. С возникновением бумажных денег развернулась настоящая кровопролитная борьба между теми, кто придумывает всевозможные средства защиты денежных знаков от подделки, и теми, кто все-таки умудряется выпускать фальшивые банкноты, несмотря ни на что. Располагая совершенной электронной техникой, современные фальшивомонетчики научились создавать подделки, мало чем отличающиеся от настоящих купюр.

В последние несколько веков широкое распространение получили так называемые финансовые пирамиды, первой из которых считается пирамида, созданная в XVIII веке шотландцем Джоном Лоу. Идея удачливого финансиста была тут же подхвачена многими после-

дователями и, надо сказать, небезуспешно. Особенного размаха деятельность создателей пирамид достигла в постсоветское время, когда многие из них, обманув сотни тысяч доверчивых вкладчиков, в кратчайшие сроки успели сколотить себе немалое состояние.

Изобилует гениальными аферистами и уголовный мир. Достаточно вспомнить Ваньку Каина, который одновременно был авторитетом среди воров и держал в подчинении московский сыскной приказ, или знаменитую Соньку Золотую Ручку. Сродни им также и история русского корнета Савина, который, обладая непревзойденным актерским талантом, выдавал себя за людей знатного происхождения, благодаря чему ему удавалось получать кругленькие суммы с обманутых им граждан, причем каждый раз выходить сухим из воды и жить припеваючи.

Можно было бы привести еще массу примеров гениальных афер, потому что в деле обмана и надувательства людская фантазия поистине неисчерпаема. И хотя речь на страницах этой книги пойдет далеко не о лучших представителях человечества, следует все-таки отдать должное их поистине гениальной изворотливости, умению находить выход из любой щекотливой ситуации и, конечно же, уму и целеустремленности.

Часть 1

Политические игры самозванцев

Самозванчество... «Как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось...» – вспоминаются слова знаменитого русского поэта. На самом деле самозванчество нельзя назвать типично русским явлением действительности. Оказывается, первый самозванец появился не в России, а в далекой Персии в VI столетии до н. э. С тех пор прошло немало времени. Самозванчество, замаскировавшись и приняв другие формы, претерпевало немалые изменения. Однако имена родоначальников этого социального явления помнят и современники нового, третьего, тысячелетия.

Лжебардия

Эту историю о первом из известных в наши дни самозванцев на царском престоле поведал Геродот. А произошла она в VI веке до н. э.

Царь Персии Камбис, сын царя царей Кира, обладал мстительным и гневным характером. Опасаясь того, что его брат Бардий когда-нибудь оспорит его право на царство, он отдал тайный приказ об убийстве Бардия. Когда коварный замысел был исполнен, Камбис щедро вознаградил убийц и устроил в своем дворце пир.

Прошли долгие годы. Все забыли о загадочной смерти Бардия. Камбис по-прежнему царствовал и вел беспощадные войны. Его неоправданная жестокость была поистине безграничной. После завоевания Египта Камбис приказал разрушить египетские храмы и убить священных животных. Не случайно одна из египетских надписей, датируемых тем временем, гласила: «Величайший ужас, подобного которому нет, охватил всю страну». Однако вскоре Камбиса все-таки настигло справедливое возмездие.

Во времена правления Камбиса в столице Персии жили два брата, которые владели оккультными знаниями. Один из них во время отсутствия Камбиса был назначен на должность управляющего царского двора. Особенный интерес представляет тот факт, что брат управляющего, маг Гаутама, по внешнему виду был очень похож на Бардию. Это и натолкнуло братьев на мысль овладеть царским престолом. Под именем Бардии Гаутама стал вскоре править Персией. Во все стороны были отправлены гонцы, чтобы объявить всем, что отныне на престоле восседает сын Кира, Бардия, и все должны подчиняться ему, а не прежнему царю.

Слухи дошли и до Камбиса, который в это время находился в завоеванном Египте. Он немедленно призвал к себе убийцу Бардии, Прексаспа, и с гневом воскликнул: «Так-то ты выполняешь мой приказ!» Услышав такие слова, распростертый у входа в шатер повелителя Прексасп решился возразить и, упав на колени перед владыкой, сказал о том, что это была ложная весть. Дело в том, что именно Прексаспу Камбис поручил похоронить мертвого Бардию. Камбис стал чернее тучи. В действительности он не сомневался в верности слуги, а это означало, что власть в персидской столице захватил самозванец. Спустя несколько дней Камбис отправился с военным походом против того, кто осмелился назвать себя именем Бардия. Однако свой план ему осуществить не удалось. Перед самым выступлением он случайно ранил себе ногу мечом и вскоре скончался.

Лжебардия

Так самозванец остался на троне. Все области выразили ему свою покорность. Подчинилась ему также и армия, потому что не нашлось в стране другого человека, который осмелился бы объявить себя сыном Кира и стать персидским царем.

Вся страна славилась нового царя. На три года он освободил своих подданных от налогов и военной службы. Все было бы хорошо, если бы не странное поведение Бардии: царь не выходил из своего дворца, не встречался ни с кем из знатных людей. Все это было довольно подозрительно, и многие уже начинали задавать себе вопрос, действительно ли Бардия занял царский трон.

Один из придворных догадывался, что власть в стране захватил маг Гаутама. Но высказать вслух это предположение было подобно смерти, поэтому придворный решил сначала проверить его. Через евнуха он послал записку дочери, находившейся в гареме царя. Отец обращался к дочери и спрашивал о том, правда ли, что человек, который стал ей мужем, является сыном Кира? В ответном послании дочь отвечала, что она не знает, действительно ли ее муж – сын Кира, поскольку в гареме они не знали чужих мужчин, а Бардию раньше она никогда не видела.

На другой день евнух передал еще одну записку, в которой говорилось о том, что если сама Федима не могла узнать сына Кира, то она должна была спросить об этом Атоссу, старшую жену. Однако на другой день Федима отвечала, что царским женам запретили общаться друг с другом, поэтому она не может выполнить просьбу отца.

Это сообщение выглядело довольно странно. Придворному был известен один признак, благодаря которому можно было бы изобличить нового царя в обмане. Во времена правления Кира Гаутама в чем-то провинился, за что ему отрезали уши.

Придворный послал дочери очередную записку. Тогда Федиме было поручено ощупать уши Лжебардии. Девушка долго не решалась сделать то, о чем просил ее отец. Если вдруг она раскроет тайну этого человека, в живых ее не оставят. Опасения молодой женщины были не напрасными: у человека, назвавшегося ее мужем, действительно не было ушей.

Наутро придворный наконец-то убедился в том, что был прав. На следующий день он пригласил в свой дом шестерых самых близких своих друзей. Прежде чем поведать им страшную тайну, он взял с каждого из них слово хранить услышанное в тайне. После того как они поклялись богами в верности друг другу, придворный все им рассказал. Новость ошеломила его друзей, и каждый из них подумал: «Лучше бы я не приходил сюда и не знал ничего».

Организовать восстание против самозванца заговорщики не могли, поскольку они не имели в своем распоряжении ни солдат, ни верных друзей. Времени на то, чтобы собраться с силами, также не было, так как каждый понимал, что в том случае, если маг раскроет заговор, всех их ожидает неминуемая смерть. Кроме одного, который станет доносчиком. Поэтому каждый, выйдя из дома, поспешил бы во дворец царя. Все это понимали, но не решались сказать. Первым заговорил сын царского наместника Дарий, который сказал о том, что они должны действовать в тот же день. После этого Дарий проговорил: «Если сегодняшний день будет упущен, я сам расскажу обо всем магу».

Тем временем маги, догадываясь, что над ними нависла угроза разоблачения, решили привлечь на свою сторону Прексаспа. Ведь только ему была известна истинная судьба Бардии. К тому же Камбис застрелил из лука его сына. Неужели Прексасп не захочет отомстить жестокому властителю?

Маги пригласили Прексаспа на тайную беседу и, посулив ему взамен за верность несметные богатства, предложили действовать с ними заодно. Прексасп взамен на покровительство правителей дал клятву, что никто и никогда не узнает правды. На следующий же день Прексасп по поручению магов должен был уверить персов, что ими правит сын Кира, Бардий, и призвать их не верить никаким слухам.

Дарий I

В назначенное время Прексасп поднялся на башню. Тысячи людей, собравшихся на площади перед царским дворцом, замерли, готовые внимать его словам. Прексасп начал говорить о предках Кира, потом о самом Кире и о том, сколько хорошего сделал этот царь для своего народа. Маги с нетерпением ждали, когда же Прексасп заговорит о главном. Но он неожиданно для всех сообщил, что сын Кира, Бардия, давно умер, власть же в стране

захватили маги. В заключение своей речи он воскликнул: «Плохо придется вам, персы, если вы не избавитесь от них и не расправитесь с ними». С этими словами Прексасп шагнул с карниза башни. В это время к дворцу приближались заговорщики. Узнав, что произошло на площади, они решили воспользоваться удачным моментом и немедленно приступить к действиям. Заговорщики были знатного происхождения, поэтому стража не осмеливалась оказывать им сопротивление. Однако во внутреннем дворе путь им преградили евнухи с обнаженными мечами, но с ними заговорщики очень быстро расправились. Потом они ворвались во внутренние покои дворца, где скрывались маги. Один из них встретил заговорщиков с луком в руках, другой схватил копье. Завязалась борьба. Магу, у которого было копье, удалось серьезно ранить двух персов. Другой же брат выбрал для себя неудачное оружие, потому что лук в ближнем бою был абсолютно бесполезным. Он бросился бежать и закрылся в соседней комнате. Дарий с еще одним заговорщиком настигли его. Один из нападавших повалил мага на пол, и между ними началась схватка. Дарий занес над самозванцем меч, но бить не решался.

«Бей мечом!» – крикнул перс, боровшийся с магом.

«Я могу убить тебя», – крикнул ему Дарий.

«Убей хоть нас обоих, но маг должен погибнуть!»

В конце концов, Дарий взмахнул мечом и убил мага.

Рассказ об этом событии был высечен на огромной скале по дороге между Тегераном и Багдадом. Надпись, сделанную по приказу Дария, можно прочесть и сегодня. Заканчивается она такими словами: «Дарий убил мага и стал царем».

Гений перевоплощения

Английский король Эдуард IV оставил после своей смерти двух наследников – сыновей Эдуарда и Ричарда. Однако ни один из них не мог править страной, поскольку оба были несовершеннолетними. В результате развернулась борьба за власть между многочисленными конкурентами. Победу в ней одержал Ричард Глостерский, назначенный протектором. Он и объявил себя королем Англии, присвоив имя Ричарда III. Захватив власть, он заявил, что Эдуард IV незаконно занимал трон, потому что на самом деле не был сыном герцога Йоркского, а значит, и его сыновья не имели права претендовать на английский престол. Вскоре юных Эдуарда V и Ричарда заключили в Тауэр, откуда им не суждено было выйти. Спустя некоторое время их убили. В 1485 году умерла жена Ричарда III, которая, скорее всего, была отравлена мужем, потому что тот задумал жениться на сестре Эдуарда IV Елизавете.

Тем временем все большую поддержку у англичан завоевывал лидер оппозиции Генрих, граф Ричмонд. В 1485 году, заручившись военной поддержкой Франции, Генрих выступил против Ричарда III. В сражении близ Босворта последний получил смертельную рану. Наследников по мужской линии у него не оказалось. Поэтому на английский престол под именем Генриха VII взошел граф Ричмонд, ставший основателем династии Тюдоров. В скором времени он женился на Елизавете.

Однако на этом борьба за престол не закончилась. Другая сестра Эдуарда IV, Маргарита Бургундская, не желала мириться с тем, что власть находится в руках представителя династии Тюдоров. Не только в Англии, но и в других странах она начала распускать слухи о том, что после убийства старшего сына Эдуарда IV палачи смилостивились и втайне освободили его брата, Ричарда, герцога Йоркского, так что он остался в живых. Специально нанятые Маргаритой агенты подыскивали молодого человека, который по внешним данным и по возрасту походил бы на Ричарда. И эти поиски в конце концов увенчались успехом.

Ричард III

Роль наследника престола прочили Перкину Уорбеку, обладавшему благородной внешностью, изящными манерами и имевшему такой же возраст, что и Ричард. С детства он много странствовал, поэтому трудно было установить место его рождения. Кроме того, крестным отцом Уорбека считался сам Эдуард IV. По словам современников, «сей юноша родился в городе Турне и прозывался Питер Уорбек, он сын крещеного еврея, чьим воспитанником у купели был сам король Эдуард».

Несмотря на то что король был крестным не Перкина, а его отца, мальчик до десятилетнего возраста, то есть до смерти короля Эдуарда, мог бывать при дворе и наблюдать некоторые сцены придворной жизни, что было как нельзя кстати и могло пригодиться при исполнении роли самозванца. Итак, как же развивались события, способствовавшие превращению простого юноши в отпрыска королевского рода?

Питер был сыном Джона Осбека и его жены Екатерины де Фаро. Так как мальчик рос хрупким и изнеженным, его стали называть уменьшительным именем Питеркин, или Перкин. Фамилию Уорбек ему дали наугад, но именно она принесла Перкину славу.

В раннем детстве он с родителями приехал в Турне. Мальчика отдали на воспитание в дом родственника, который проживал в Антверпене. В этом городе его и разыскал агент Маргариты Бургундской. Сестра Эдуарда IV обнаружила в юноше возвышенный дух и подкупающие манеры.

Маргарита держала существование Перкина в глубокой тайне. Она обучала его тому, как подобает вести себя в обществе, чтобы сохранять величие и в то же время нести печать смирения, наложенную перенесенными невзгодами. Маргарита во всех подробностях рассказала Перкину о Ричарде, роль которого ему предстояло исполнять, о его родителях, короле и королеве, о тех событиях, которые происходили во дворце при жизни короля и могли остаться в памяти ребенка, и о том, что случилось после смерти Эдуарда IV. Придумала Маргарита также и довольно правдоподобную версию о гибели брата Ричарда в Тауэре и о его собственном побеге.

Заговорщики обсудили, что Перкин должен рассказывать о своих странствиях на чужбине, а также учли все каверзные вопросы, которые ему могли задать. Впрочем, Маргарита была уверена, что Перкин с присущей ему находчивостью самостоятельно сможет найти выход из любой щекотливой ситуации. В довершение Маргарита пообещала самозванцу богатое вознаграждение не только в настоящем, но и в будущем, а главное, не скупясь на эпитеты, описала, что его ожидает, когда он получит английскую корону. В случае же неудачи их затеи предусмотрительная герцогиня обещала укрыть юношу при своем дворе.

Наконец все приготовления были закончены. Маргарита решила, что Перкин должен объявиться в Ирландии в то время, когда начнется война между Англией и Францией. Если бы он из Фландрии сразу же направился в Ирландию, это выдало бы ее участие в судьбе мнимого сына Эдуарда IV.

В 1490 году Перкин в сопровождении англичанки леди Брэмpton и еще одного доверенного лица выехал в Португалию, где должен был затаиться до особого указа своей покровительницы. Сама же Маргарита занялась подготовкой условий для приема и признания мнимого герцога Йоркского не только в Ирландском королевстве, но и при французском дворе.

Перкин провел в Португалии примерно год и отправился в Ирландию, в город Корк, только после того, как король Англии созвал парламент и объявил Франции войну. Уорбек сразу же выдал себя за герцога Йоркского, второго сына Эдуарда IV, и начал вербовать сторонников. Он отправил письма графам Десмонду и Килдеру, в которых просил их оказать

ему помощь. Приезд Перкина в Ирландию и оказанный ему прием способствовали тому, что шотландский король Яков не стремился к заключению длительного мира с королем Генрихом VII.

Маргарита склонила к сотрудничеству доверенного слугу английского короля, Стефана Фрайона, который был у Генриха секретарем. Фрайон, постоянно чем-то недовольный, не задумываясь, покинул своего повелителя и поступил на службу к королю Франции Карлу. Карл понял, что замышляет Перкин, и немедленно отправил к нему Фрайона и некоего Лукаса с поручением уверить самозванца в хорошем расположении к нему французского короля и сообщить о том, что Карл готов оказать ему помощь в осуществлении его замысла и приглашает приехать в Париж.

Перкин отправился во Францию. Король Карл встретил его с великими почестями и называл не иначе как герцог Йоркский. Французский король поселил Уорбека в великолепных покоях и приставил к нему почетную охрану. Придворные поддержали игру короля, поскольку понимали, что она обусловлена государственными причинами.

В то же время Перкин принял у себя многих представителей английской знати, в том числе сэра Джорджа Невилла, сэра Джона Тейлора и около сотни других. Главным советником Уорбека был назначен Стефан Фрайон. Принимая у себя самозванца, Карл преследовал корыстные цели: таким образом он пытался заставить Генриха подписать с Францией мирный договор. Однако несмотря на то, что англичане настоятельно просили его выдать им Перкина, Карл предпочел отказаться, поступить иначе ему не позволяла королевская честь. Он лишь предупредил Уорбека о грозящей ему опасности и отослал от двора.

Перкин и сам собирался уехать, понимая, что король Англии может организовать его тайное похищение. Покинув Францию, он отправился во Фландрию и предстал перед герцогиней Бургундской, которая сделала вид, что крайне изумлена его появлением, потому что никак не ожидала его увидеть. Маргарита заявила, что, прежде чем принять какое-то решение, ей нужно побеседовать с юношей, чтобы убедиться, что это действительно герцог Йоркский. Выслушав Перкина, она изобразила величайшее изумление и радость, но в то же время дала понять, что по-прежнему сомневается в правдивости его слов. Наконец герцогиня приветствовала Уорбека как восставшего из мертвых, предрекая ему великое и счастливое будущее. Изгнанию Перкина из Франции также было найдено соответствующее объяснение: принца объявили жертвой честолюбия двух великих монархов. Сам Перкин вел себя как настоящий король и так мастерски справлялся со своей ролью, что все окончательно уверились в том, что он и есть герцог Ричард. Да и сам Уорбек был на грани того, чтобы поверить в собственный обман.

Герцогиня Бургундская оказывала Перкину соответствующие его персоне почести: называла его именем своего племянника, присвоила высокий титул Белой розы Англии и в качестве его почетной охраны предоставила ему тридцать облаченных в багряные и голубые мундиры воинов. Все придворные следовали ее примеру и были исключительно любезны с претендентом на английский престол.

Эдуард IV

Весть о воскресении из мертвых герцога Йоркского облетела всю Англию. Распространились слухи о том, что Ричарда сначала приютили в Ирландии, потом пригласили и во Францию, где его предали, и что теперь его наконец признали и приняли при дворе герцогини Бургундской во Фландрии.

В адрес Генриха VII градом посыпались обвинения в том, что он унижает своих подданных и обирает народ. Укоряли его также за потерю Бретани и заключение мира с Францией. Но больше всего возмущений вызывал тот факт, что он до сих пор не признал первичность прав на английский престол королевы Елизаветы. В народе говорили о том, что с появлением настоящего наследника престола узурпатору не сдобровать.

Слухи быстро докатились до королевского двора, и вскоре лорд-камергер Уильям Стенли, лорд Фитцуотер, сэр Саймон Маунтфорд и сэр Томас Твейтс вступили в тайный сговор в пользу принца Ричарда. Однако выступить открыто заговорщики не решились. По их поручению во Фландрию отправились сэр Роберт Клиффорд и Уильям Барли. Особенно обрадовал Маргариту приезд первого – прославленного и родовитого дворянина. Клиффорд был представлен самозванцу и неоднократно беседовал с ним. В конце концов, то ли под влиянием убеждений герцогини, то ли поверив самому Перкину, он написал в Англию письмо, в котором утверждал, что молодой человек, о котором говорит вся страна, действительно является принцем Ричардом, герцогом Йоркским. Таким образом, стране угрожали смута и мятеж, поскольку между заговорщиками Англии и Фландрии установились тесные взаимоотношения.

Чтобы предотвратить угрозу, нависшую над собственной персоной, Генрих VII незамедлительно начал строить планы разоблачения и уничтожения самозванца. Для этого ему предстояло найти свидетельства того, что настоящий принц был все-таки убит в Тауэре, или доказать, что Перкин – самозванец, собрав сведения о реальной биографии этого человека.

К сожалению, первый план властолюбивого монарха не удался. Поведать о гибели принцев могли только четыре человека, которые непосредственно имели к этому отношение. Это нанятый королем Ричардом сэр Джеймс Тиррел, двое его слуг – палачи Джон Дайтон и Майлз Форрест, а также священник Тауэра, который похоронил убитых. Однако Майлза Форреста и священника к тому времени не оказалось в живых. Джеймса Тиррела и Джона Дайтона, находившихся в полном здравии, Генрих приказал заключить в Тауэр и подвергнуть допросу.

Свидетели рассказали, как король Ричард III направил указ об убийстве принцев коменданту Тауэра Брэкенбери, однако тот отказался совершить это ужасное деяние. Тогда король попросил сэра Джеймса Тиррела исполнить это поручение. В сопровождении слуг Тиррел отправился в Тауэр. Сам он остался у подножия лестницы, а своих слуг послал наверх. Эти негодяи как раз и стали непосредственными исполнителями воли короля, задушив принцев во сне. Тела убиенных зарыли тут же, под лестницей.

Однако когда королю доложили об исполнении его высочайшего повеления, он остался недоволен местом захоронения сыновей короля. Поэтому по его же приказу следующей ночью священник Тауэра выкопал тела и перезахоронил их в другом месте, которое было известно только ему одному. Эту тайну он унес с собой в могилу.

Итак, поскольку многое в показаниях свидетелей осталось не совсем ясным, Генрих решил пойти по другому пути, то есть попытаться собрать сведения о самозванце. В нескольких странах, в том числе и во Фландрии, Генрих создал сеть преданных агентов, которые собирали сведения не только о Перкине Уорбеке, но и обо всех участниках заговора. Некоторым из королевских агентов удалось примкнуть к окружению Перкина. Все сведения, которые удавалось добыть шпионам, незамедлительно поступали к Генриху. В итоге король получил исчерпывающую информацию о каждом из заговорщиков и к тому же завоевал расположение сэра Роберта Клиффорда.

С помощью придворных сплетен Генрих распространил слух о том, что неизвестно откуда взявшийся наследник престола является всего лишь дерзким самозванцем. В то же время король направил послов во Фландрию к великому герцогу Филиппу с целью убедить его отослать Перкина от двора. Однако Филипп ответил, что не может этого сделать, поскольку мнимый Ричард III находится под покровительством герцогини Бургундской, а распоряжаться на ее землях не в его власти. Но Генрих догадывался, что это лишь отговорка и что Филипп оказывает Перкину помощь и содействие.

Зная, что наибольшую поддержку самозванцу оказывали сторонники в Англии, Генрих решил сурово наказать группу главных заговорщиков в королевстве и тем самым подо-

рвать силы сторонников Перкина во Фландрии. Король призвал к себе советников, которых изобличил в поддержке самозванца, и Клиффорда. Последний, дабы спасти свою жизнь, пал перед королем ниц и взмолился о пощаде, и Генрих сразу же милостиво даровал прощение. Взамен Клиффорд рассказал все, что ему было известно о самом Перкине и о деятельности его сторонников, в частности, выдал лорда-камергера королевского двора Уильяма Стенли. Случилось это 22 декабря 1494 года.

В своей «Истории Шотландии» Тайтлер по этому поводу записал: «Это разоблачение стало роковым ударом для йоркистов. Их замысел, по-видимому, состоял в том, чтобы провозгласить Перкина королем в Англии, пока его многочисленные сторонники готовились восстать в Ирландии; в то же время шотландский монарх должен был во главе войска нарушить границы и вынудить Генриха разделить свои силы. Однако предводители приграничных кланов, которым не терпелось начать войну, вторглись в Англию слишком рано; к несчастью для Уорбека, случилось то, что, пока буйная вольница, включавшая Армстронгов, Эльвальдов, Кроссаров, Вигэмов, Никсонов и Генрисонов, спускалась в Нортамберленд в надежде поднять там восстание в пользу самозванного герцога Йорка, предательство Клиффорда раскрыло все детали заговора, а поимка и казнь главарей повергла народ в такой ужас, что дело Перкина в тот момент представлялось безнадежным».

Узнав о казни Стенли, который был главной опорой заговорщиков, и других своих сторонников, Перкин и его сообщники были ошеломлены.

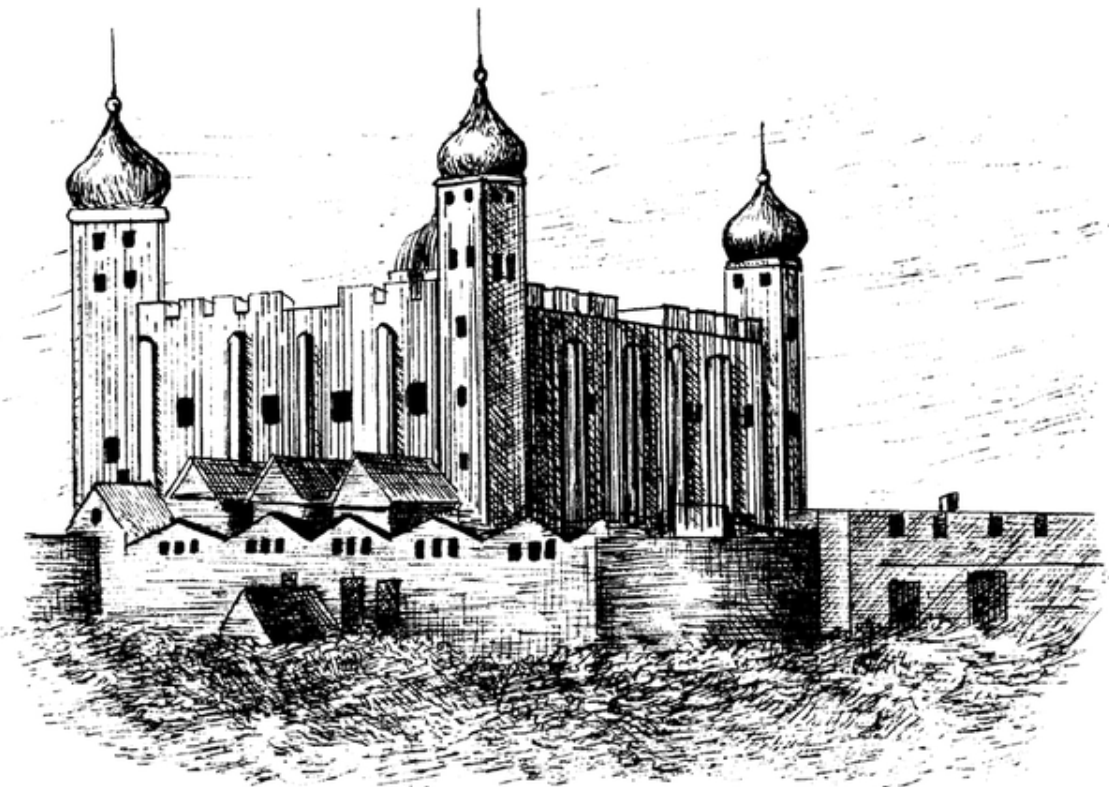
Уорбек по-прежнему опирался на привязанность простолюдинов к дому Йорков и рассчитывал на их поддержку. Местом своей вылазки он избрал берег Кента. Войско, которое самозванец повел в сражение против короля Генриха, состояло в основном из разорившихся гуляк, грабителей и воров. С ним он вышел в море и в начале июля 1495 года высадился на берегу близ Кента, между Сэндвичем и Дилом. Когда жители поняли, что войско самозванца включает не знатных англичан, а чужеземцев, готовых, скорее, к грабежу местного населения, чем к походу за короной Англии, они поклялись в верности королю и выразили готовность вступить в борьбу против войска Перкина.

Англичане решили создать видимость отступления, чтобы выманить войско самозванца на берег, однако этого им сделать не удалось. Самозванец и его сторонники опасались приближаться к берегу до тех пор, пока не убедятся, что все надежно. Поняв, что их попытки тщетны, англичане перебили тех мятежников, которые уже были на берегу, и 150 человек взяли в плен.

Когда король, находившийся в путешествии, получил радостное известие о разгроме заговорщиков, он отправил в Кент Ричарда Гилдфорда, чтобы тот передал поздравления, а сам продолжил путь. Для устрашения мятежников Генрих распорядился всех пленников повесить. Их связали веревками и пригнали в Лондон. Казнь состоялась в Лондоне и Вэппинге. Кроме того, виселицы, подобно маякам или вехам, стояли на побережье Кента, Сэссекса и Норфолка.

Перкину ничего не оставалось делать, как отправиться обратно в Ирландию. Самозванец решил искать помощи и поддержки у шотландского короля Якова, противника короля Генриха. К тому же Максимилиан и король Франции Карл, испытывавшие известную неприязнь к английскому королю, неожиданно решили оказать содействие Уорбеку и втайне ходатайствовали за него королю Шотландии.

20 ноября 1495 года Перкин с большой свитой прибыл в шотландский город Стерлинг, где с подобающими почестями был встречен королем Яковом, который вел себя с ним как с Ричардом, герцогом Йоркским. В знак особой признательности король дал свое согласие на брак Уорбека с дочерью графа Хантли и своей близкой родственницей, леди Екатериной Гордон – девушкой редчайшей красоты и добродетели.

Вскоре король Карл собрал большое войско, которое состояло главным образом из жителей приграничного района, и в сопровождении Перкина вступил в графство Нортамберленд. Однако вопреки ожиданиям самозванца народ не выступил в его поддержку. Тогда войско шотландского короля разорило и разрушило графство, несмотря на протест Перкина против ведения войны варварским способом.

Тем временем короли Шотландии и Англии начали вести переговоры о мире, которые в скором времени зашли в тупик, поскольку Генрих в качестве главного условия договора требовал выдать ему самозванца. На это Яков не мог согласиться, потому что принял Перкина как государя и теперь было бы крайне бесчестно и недостойно для короля изменить свое отношение к нему, кем бы он на самом деле ни являлся.

Несмотря на то что Яков не изменил своей позиции по отношению к Уорбеку, после длительных бесед с англичанами и других свидетельств он практически не сомневался в том, что приютил самозванца. Наконец король Шотландии призвал к себе Перкина и сообщил ему о том, что англичане разоблачили его обман перед шотландским народом, поэтому Уорбеку придется искать более подходящее место изгнания, для чего Яков предоставит ему корабли.

Перкин не поехал во Фландрию, поскольку знал, что Генрих заключил с Филиппом договор и там только и ожидают его приезда для того, чтобы учинить скорую расправу. Вместе с женой самозванец отправился в Ирландию. Под именем короля Англии Ричарда V Уорбек издал прокламацию, содержащую щедрые обещания народу и призыв выступить против узурпаторов королевского трона с тем, чтобы вернуть корону ее законному владельцу.

На четырех небольших барках с 80 воинами Перкин отправился в Корнуэлл. Его корабли причалили в бухте Уитсенд-бей. В Бодмине его войско пополнилось тремя тысячами грубых мужланов.

По наущению ближайших советников – бежавшего от долгов торговца шелком и бархатом Херна, портного Скелтона и писца Эстли – самозванец решил овладеть хорошо укрепленным городом. Это было необходимо, во-первых, для того, чтобы предоставить своим

людям возможность испытать сладость богатой добычи и набрать новых рекрутов, а во-вторых, чтобы обеспечить себе надежное убежище в случае неудачи предприятия.

17 сентября повстанцы осадили город Эксетер, который был самым сильным и богатым среди окружавших его поселений. Перкин пообещал горожанам, что он превратит Эксетер в новый Лондон, если они первыми признают его королем. Однако горожане на подобные провокации не поддались. Так что самозванцу ничего не оставалось делать, как снять осаду Эксете́ра и двинуться к Тонтону, растеряв по пути большую часть своего войска.

Весь день Перкин делал вид, что готовится к бою, но к полуночи самозванец прихватил с собой три десятка всадников и скрылся в неизвестном направлении, бросив свое войско на произвол судьбы. Узнав о бегстве Уорбека, Генрих выслал за ним вдогонку 500 всадников, чтобы отрезать ему путь к морю, посреди которого находился тот заветный островок, который называли святилищем. Но Перкину все же удалось опередить королевских солдат и укрыться на острове. Последние окружили остров и послали к Генриху гонца с донесением о произошедшем.

Английский король отправил на остров делегацию, которая должна была вступить в переговоры с Уорбеком. Самозванца доставили ко двору короля, но Генриху он представлен не был, хотя сам король, дабы удовлетворить свое любопытство, наблюдал за ним из окна. Перкин находился на свободе под неусыпным наблюдением королевских агентов.

Вскоре в голове у самозванца созрел новый план. 9 июня 1498 года Перкину удалось обмануть приставленную к нему охрану и бежать. Он направился к морскому берегу, однако испугался погони и вынужден был вернуться обратно. Мошенник проник в Вифлеемский дом, называемый Шайнским приорством, и сдался в руки приора монастыря, который пользовался всеобщим уважением и слыл святым.

Приор явился к королю с просьбой сохранить жизнь Уорбеку, в остальном же он полагался на волю Генриха. Хотя многие подданные убеждали его казнить самозванца, королевское высокомерие не позволяло ему ненавидеть тех, кого он презирал. Как только Перкин оказался в его власти, Генрих приказал воздвигнуть во дворе Вестминстерского дворца эшафот, на котором забили в колодки закованного в кандалы Уорбека. Там он провел весь день. На следующий день самозванца поместили на такой же эшафот на перекрестке в Чипсайде. Здесь, так же как и в Вестминстерском дворце, он читал свою исповедь. На третий день Перкина заточили в Тауэр.

Но даже оказавшись в тюрьме, Уорбек не унимался. Он решил подкупить охранников и с их помощью выбраться на свободу. Однако стражей не интересовала его судьба, да и на высокое вознаграждение они не рассчитывали, зная, с кем имеют дело. Поэтому Перкин решил привлечь на свою сторону Эдуарда Плантагенета, графа Уорика, который в то время был узником Тауэра. Через охранников он обменялся с ним записками и договорился о побеге. Четверо охранников должны были убить коменданта Тауэра, завладеть деньгами и имуществом, достать ключи от Тауэра и выпустить графа и Уорбека на свободу.

Однако замысел Перкина не удался. Заговор был раскрыт. Оказалось, что Перкина использовали всего лишь как приманку, необходимую для того, чтобы заманить в ловушку графа Уорика. 16 ноября 1499 года судьи вынесли Уорбеку обвинение на основании многих измен, совершенных им после высадки на сушу в пределах королевства, и приговорили к смерти. Казнь состоялась в Тайберне, где он в последний раз прочитал вслух свою исповедь и в предсмертный час подтвердил ее истинность.

Граф Уорик также был обвинен в том, что замышлял вместе с Уорбеком учинить смуту и выступить против короля. Тому ничего другого не оставалось, как признать обвинение справедливым. Вскоре он был обезглавлен на Тауэр-Хилл.

Григорий Отрепьев (Лжедмитрий I)

Далекие предки Григория Отрепьева жили в Литве. Прибыв на Русь, одни из них поселились в Галиче, а другие – в Угличе, резиденции погибшего царевича Дмитрия, сына Ивана Грозного. В 1577 году Смирной-Отрепьев и его младший брат Богдан, которому к тому времени исполнилось всего лишь 15 лет, получили поместье в Коломне. Через несколько лет у Богдана родился сын, которого называли Григорием. Приблизительно в то же время у царя Ивана появился сын Дмитрий.

Богдан Отрепьев дослужился до чина стрелецкого сотника. Погиб он очень рано. В те времена в Немецкой слободе в Москве иноземцы свободно торговали вином. Нередко там случались пьяные драки. Наделенный от природы буйным характером, Богдан зачастую становился их участником. В одной из таких стычек его зарезал некий литвин.

После смерти отца Григория воспитывала мать. Она научила мальчика читать Священное Писание. Дальнейшее обучение Григорий проходил в доме дядя Семейки Ефимьева, зятя Отрепьевой, который жил в Москве. После того как Гришка Отрепьев принял постриг, он стал переписчиком книг на патриаршем дворе. Эту должность он получил благодаря своему каллиграфическому почерку.

Отрепьев обладал необыкновенными способностями, поэтому некоторые даже подозревали его в общении с нечистой силой. Учение действительно давалось ему с поразительной легкостью. Однако бедность и сиротство не позволяли способному юноше даже надеяться на выдающуюся карьеру.

Григорий поступил на службу на московское подворье к боярину Михаилу Романову. Многие считали Романовых наследниками короны. Служба при дворе открывала юноше неплохие перспективы на будущее. Немалую роль в том, что Романовы выбрали именно его, небогатого провинциального дворянина, сыграло соседство родового гнезда Отрепьевых и костромской вотчины Романовых – села Домнино.

Однако такой поворот в судьбе Григория чуть было не стоил ему жизни. В ноябре 1600 года романовский круг постигла опала. Под стенами подворья Михаила Романова произошло настоящее сражение: свита Романовых оказала вооруженное сопротивление царским стрельцам.

Всех, кто находился в услужении у опальных бояр, ожидала виселица. Отрепьев чудом спасся от смертной казни, укрывшись в монастыре. Григорию едва исполнилось 20 лет. Ему пришлось отказаться от светской жизни и превратиться в смиренного монаха. Во время скитаний Григорию довелось побывать в галичском Железноборском монастыре, где он, по всей вероятности, и постригся, а также в суздальском Спасо-Евфимьеве монастыре. В Суздале Гришка попал под начало к духовному старцу. Однако Григория тяготило монашеское одеяние, а тем более жизнь под началом, и он, в конце концов, решил покинуть обитель.

К тому времени все Романовы находились в ссылке, поэтому розыск их сторонников был прекращен, да и оставшиеся в живых опальные вскоре получили прощение. Надо сказать, что на Руси провинившиеся перед царем нередко спасали свою жизнь в монастырях, подобно Отрепьеву. Поэтому Григорий снова объявился в Москве. Благодаря протекции он попал в самый аристократический Чудов монастырь в Кремле. Некоторое время он находился под надзором архимандрита Пафнотия, после чего был переведен в собственную келью, где занялся литературным трудом. Сам Отрепьев рассказывал знакомым монахам о том, что «живучи в Чудове монастыре у архимандрита Пафнотия в келии, сложил похвалу московским чудотворцам Петру, и Алексею, и Ионе».

Вскоре старания Отрепьева были оценены, и с этого времени начался его стремительный взлет. Григорий стал дьяконом, однако жизнь в тихой келье была не по нему, поэтому

Отрепьев переселился на патриарший двор, где также завоевал себе, как он сам говорил, великую славу. Он не только переписывал книги, но и сочинял каноны святым. Григория знали и епископы, и игумены, и весь Священный собор. Нередко он бывал у самого патриарха Иова, который включил юношу в штат своих помощников, являвшихся с ним на собор и в думу.

Григорий Отрепьев

Всего лишь за один год Григорий сумел сделать поистине выдающуюся карьеру. За такой короткий срок он прошел путь от простого келейника чудовского архимандрита до почитаемого всеми придворного патриарха. Причем достиг Отрепьев такого положения не за счет невероятных подвигов аскетизма, а благодаря необыкновенной восприимчивости

своей натуры. Он в течение одного месяца усваивал то, на что у других уходила целая жизнь. Церковники сразу же оценили живой ум и литературный дар Отрепьева. К тому же юноша обладал удивительной способностью притягивать и подчинять себе других людей.

Григорий начал прилюдно хвастаться, что может стать в Москве царем. Подобные дерзкие речи дошли до царя Бориса, и он отдал спешный приказ о ссылке Отрепьева в Кириллов монастырь. Однако Григория вовремя предупредили о решении царя, и он успел бежать. Сначала Отрепьев отправился в Галич, потом в Муром, в 1602 году он вернулся в столицу, откуда, прихватив с собой двух монахов, Варлаама и Мисаила, бежал за границу.

Воспользовавшись тем, что отъезжавших монахов никто не преследовал, злоумышленники в течение трех недель служили службы в церкви, собирали с народа деньги, якобы необходимые для строительства храма, и присвоили их себе. Бродячие монахи не вызывали у властей никаких подозрений, поэтому никто даже и не пытался их задержать. Беглецы преспокойно миновали границу и отправились в Печерский монастырь в Киеве, в котором провели три недели. Затем перешли во владения князя Константина Острожского, где жили все лето. За этот срок Григорий успел завоевать расположение магната, и тот пожаловал ему щедрый подарок. Затем монахи перебрались к Габриэлю Хойскому в Гощу, на Волыни, а потом в Брачин, к князю Адаму Вишневецкому. Здесь Отрепьев сбросил с себя монашеское одеяние и решил, наконец, объявить себя московским царевичем Дмитрием.

Когда Вишневецкий известил польского короля Сигизмунда III о появлении «царевича», тот потребовал подробных объяснений.

В 1603 году князь записал рассказ самозванца. Отрепьев во всех подробностях поведал о тайнах московского двора и об обстоятельствах своего чудесного спасения. Спас его якобы некий воспитатель, которому стало известно о запланированном убийстве царевича. В ночь убийства ему удалось подменить Дмитрия мальчиком того же возраста, который и был зарезан вместо царевича. Царица-мать, которая первой прибежала в спальню своего несчастного сына, не распознала подлога, потому что лицо ребенка приобрело к тому времени свинцово-серый оттенок. Точные факты и имена Отрепьев, однако, называть опасался, потому что они могли быть опровергнуты в результате проверки. Он утверждал, что его чудесное спасение оставалось тайной для всех, даже для его матери, заключенной в один из женских монастырей.

Самозванец жил в Литве открыто, поэтому его слова можно было сразу же проверить. Если бы новоявленный «царевич» попытался скрыть известные всем факты, его непременно обличили бы в обмане. Так, всем было известно, что «Дмитрий» прибыл в Литву в рясе. Для этого также необходимо было найти правдоподобное объяснение, и Отрепьев придумал следующее. Перед своей смертью спаситель передал царевича на попечение «верного друга». Этот дворянин воспитал мальчика в своем доме, а перед кончиной посоветовал ему принять постриг. Юноша последовал совету своего воспитателя и стал монахом. Он обошел многие российские монастыри, пока однажды один монах не распознал в нем царевича Дмитрия. Тогда он вынужден был бежать в Польшу.

По всей вероятности, Отрепьев уже в Киево-Печерском монастыре пытался выдать себя за царевича. В книгах Разрядного приказа была обнаружена любопытная запись, согласно которой Отрепьев, прикинувшись больным, признался игумену в том, что он является царевичем. Услышав такие слова, игумен указал ему на дверь. По свидетельству историков, Отрепьев не раз прибегал к тому же трюку. Разболевшись в имении Вишневецкого, на исповеди он поведал о своем «царском происхождении» священнику. Однако в докладе князя королю этот эпизод не упоминался.

Первым покровителем Отрепьева в Польше стал князь Адам Вишневецкий, который снабдил Григория приличным платьем и велел возить в карете в сопровождении гайдуков. Постепенно круг покровителей самозванца все более расширялся. Интригу Вишневецкого

поддержали польский король и другие высокопоставленные лица государства, в том числе и канцлер Лев Сапега. В услужении этого сановника находился московский беглец Петрушка, который как пленник попал в Москву в годовалом возрасте. Сапега объявил, что этот его слуга, которого вдруг все начали величать не иначе как Юрием Петровским, был лично знаком с царевичем Дмитрием.

Однако при встрече с Отрепьевым Петрушка растерялся. Отрепьев же как ни в чем не бывало «узнал» бывшего слугу и уверенно вступил с ним в разговор. Холоп пришел в себя и «узнал» царевича по особым приметам: бородавке на носу и неравной длине рук. Так что все прошло согласно заранее подготовленному сценарию. Таким образом, Сапега оказал самозванцу неоценимую услугу.

Тем временем число покровителей Григория Отрепьева пополнилось еще одним влиятельным человеком. Это был Юрий Мнишек, один из русских холопов которого также признал в самозванце царевича. Поддержали его также и московские дворяне-изменники братья Хрипуновы, бежавшие в Литву в 1603 году.

Когда Бориса известили о появлении самозванца, он обратился к польскому двору с требованием о выдаче преступника, который якобы был осужден за то, что отверг родительский авторитет, восстал против Бога и впал в чернокнижие. Однако поляки не торопились выдавать русским Григория Отрепьева.

Между тем самозванец, почувствовав за своей спиной реальную силу, действовал все более уверенно. Отрепьев также заручился поддержкой запорожских казаков, точивших сабли на московского царя. Самозванца нередко видели вместе с казаками. Не случайно сведения о нападении запорожцев по времени совпадают с сообщением о появлении в их среде самозванного царевича.

В 1603 году в Запорожской Сечи началось формирование повстанческой армии, которая впоследствии принимала участие в московском походе Григория Отрепьева. Наконец к самозванцу явились гонцы с Дона с сообщением о том, что казаки готовы идти на Москву. В ответ самозванец послал им свой штандарт – красное знамя с черным орлом, после чего его гонцы заключили с казачьим войском союзный договор.

В то же время в центре России также начали возникать повстанческие отряды. Положение Бориса Годунова на царском троне становилось все более шатким. Этим и решил воспользоваться самозванец. С именем неожиданно воскресшего царевича Дмитрия народ связывал надежду на освобождение от установленного Годуновым жестокого крепостнического режима. Так что Отрепьеву представилась реальная возможность встать во главе народного восстания.

Однако самозванца, который был дворянином по происхождению, не устраивала перспектива превращения в вождя народного движения. Он предпочел организовать сговор с врагами России. Отрепьев знал, что с давних пор заветной мечтой иезуитов является подчинение русской церкви папскому владычеству. Их поддержкой Григорий и решил заручиться.

Сигизмунд III поручил Вишневецкому и Мнишеку привезти в Краков московского царевича. В конце марта 1604 года «Дмитрия» доставили в польскую столицу, где его окружили иезуиты, пытавшиеся убедить его в истинности католической веры. «Царевич», осознавая, что в этом состоит его сила, принял от иезуитов святое причастие и дал обещание ввести на Руси католичество, если только ему удастся занять российский престол.

В 1600 году Россия заключила перемирие с Польшей, но это не обеспечило безопасности ее западных границ. Король Сигизмунд готовился к новому наступлению на Россию, и для этих целей ему необходим был Лжедмитрий. Ради удовлетворения своих кредиторов самозванец без стеснения перекраивал русские земли. Он пообещал передать Польше плодородные Чернигово-Северские земли. Семье Мнишек Григорий посулил Псков и Новгород. Взамен же он получил довольно туманные обещания.

Дальновидные польские политики решительно выступали против войны с Россией. В результате Сигизмунд отказался от своих обещаний и вместо сильной королевской армии предоставил Отрепьеву около двух тысяч разного рода наемников. Армия была слишком малочисленной, чтобы выступать с ней против России, и план самозванца был бы заведомо обречен на провал, если бы его не поддержало донское казачество.

Царские воеводы, выступившие навстречу самозванцу с огромными силами, действовали явно нерешительно. Несмотря на это, им удалось одержать победу в сражении под стенами Новгород-Северского. В результате большинство наемников обратились в бегство, оставив лагерь самозванца. Вместе с ними восвояси отправился и Юрий Мнишек, сопровождавший Отрепьева.

Хотя вторжение на Русскую землю закончилось провалом, вооруженная помощь поляков позволила Лжедмитрию продержаться на территории Русского государства первые, самые трудные месяцы, до тех пор, пока народное восстание не охватило всю южную оконечность России. Голод еще более усугублял сложившуюся обстановку.

Борис, узнав о появлении в Польше самозванца, открыто заявил боярам, что это их рук дело, так как они задумали свергнуть его. Однако впоследствии царь без особых опасений за свою голову направил против войск самозванца тех же бояр. На первый взгляд подобное поведение Бориса кажется непонятным, но на то имелись свои причины. Годунову было известно, что дворяне не очень-то доверительно относились к самозваному казацкому царьку. На сторону Отрепьева перешло всего лишь несколько воевод. Как правило, крепости самозванцу сдавали посадские люди или казаки, а воевод к нему приводили связанными.

Растеряв всех своих наемников, Григорий решил довольствоваться ролью народного вождя, которая ранее его не устраивала. Он спешно сформировал новую армию из посадских людей, восставших казаков, стрельцов и крестьян. Войско Лжедмитрия пополнялось с каждым днем, но 21 января 1605 года оно снова было разбито царскими воеводами, которые, однако, не стремились к скорой расправе над самозванцем. Ведь им приходилось действовать среди враждебно настроенного населения, восставшего против крепостничества.

Несмотря на то что Лжедмитрий потерпел поражение, многие южные крепости признали его как отпрыска царского рода. Опасаясь за свою безопасность, дворяне самовольно разъезжались по домам. В течение полугода царские войска не могли взять город Кромь, в котором обосновались донские казаки во главе с атаманом Корелой.

В страхе перед самозванцем Годунов несколько раз засылал в его лагерь тайных убийц. Он приказал привезти в Москву из монастыря мать Дмитрия, чтобы узнать у нее правду. 13 апреля Борис скоропостижно скончался в Кремлевском дворце. Ходили слухи, что он отравился. Официально было объявлено, что царь умер от апоплексического удара.

Незадолго до своей смерти Годунов назначил командующим армией воеводу Петра Басманова, который отличился в первой кампании против самозванца. Молодой воевода должен был выступить в роли спасителя династии. Однако, как показали дальнейшие события, Басманов не оправдал возлагаемых на него надежд.

Тем временем Лжедмитрий медленно приближался к Москве, высылая жителям столицы письма. Москва готовилась к встрече «истинного» царя. Федор Годунов, его мать и верные им бояре, «полумертвые от страха, затворились в Кремле», у стен которого выставили усиленную охрану. Предпринимаемые военные меры были направлены прежде всего на то, чтобы обуздать народ. Очевидцы событий тех далеких лет утверждали: «В Москве более страшились жителей, нежели неприятеля или сторонников Дмитрия».

1 июня в Красное Село прибыли посланники Лжедмитрия – Гаврила Пушкин и Наум Плещеев. С их появлением в селе вспыхнуло давно уже назревавшее восстание. Вооруженные красносельцы двинулись в столицу, где к ним присоединились москвичи. Разъяренная толпа, уничтожив стражу, через Китай-город проникла на Красную площадь. Стрельцы, высланные Годуновыми, были перебиты. Гаврила Пушкин с Лобного места прочитал «преlestные грамоты» самозванца, в которых он обещал многие милости всем москвичам – от бояр до черного люда.

Годуновы могли укрыться за надежными стенами Кремля, к чему нередко прибегал Борис, и это спасало ему жизнь. Но среди приближенных царского семейства нашлись изменники, которые в нужный момент открыли крепостные ворота. Выйдя к народу, бояре агитировали его против Федора Борисовича. Богдан Бельский, когда-то опекавший царевича Дмитрия, публично поклялся в том, что лично спас царевича от руки убийцы. Эти слова окончательно рассеяли сомнения толпы, которая ворвалась в Кремль и начала громить дворы состоятельных людей и торговцев, сумевших неплохо нажиться на голоде.

Богдан Бельский водворился в Кремле, чтобы править от имени самозванца. Но Отрепьев опасался этого человека. Поскольку свергнутая царица была сестрой Бельского, Отрепьев не мог поручить ему казнь семейства Бориса Годунова. Поэтому место Бельского вскоре занял присланный Отрепьевым боярин Василий Голицын.

Лжедмитрий не решался въехать в Москву, пока не были устранены все препятствия. Он приказал арестовать патриарха Иова якобы за преданность Годуновым и с позором

сослать его в удаленный от столицы монастырь. На самом же деле самозванец опасался, что патриарх, прекрасно знавший его в прошлом, разоблачит его обман.

После низложения патриарха Голицын в сопровождении стрельцов явился на подворье Годуновых и велел задушить Федора Борисовича и его мать. Вместе с трупом Бориса, который был извлечен из Архангельского собора, их похоронили на заброшенном кладбище.

Расчистив себе дорогу, Лжедмитрий въехал в Москву. Произошло это 20 июля. Через несколько дней был раскрыт заговор бояр против него. Выяснилось, что Василий Шуйский распространял среди жителей столицы слухи о том, что новый царь является самозванцем. Лжедмитрий отдал его на суд собора, который состоял из духовенства, бояр и простых людей. Собор приговорил Шуйского к смертной казни, которую Лжедмитрий заменил ссылкой в галицкие пригороды, куда он было и отправился вместе с двумя братьями. Но до места назначения заговорщики доехать не успели, поскольку узнали о милостивом прощении со стороны государя. Шуйские не только вернулись в Москву, но и получили обратно боярство и имения, за что, правда, впоследствии отплатили черной неблагодарностью.

После низложения Иова патриархом в Москве стал архиепископ Рязанский, грек Игнатий. Он и венчал на царство Лжедмитрия 21 июля. Новоиспеченный государь отличался энергичностью, неограниченными способностями и широкими реформаторскими замыслами. Так, князь Хворостинин говорил о нем: «Остротою смысла и учением книжным себе давно искусив».

Лжедмитрий ввел в думу представителей высшего духовенства, учредил новые чины в подражание полякам: мечника, подचाшия и подскарбия. Он принял титул императора, увеличил в два раза жалованье служилым людям, запретил записи в наследственное холопство. Лжедмитрий приближал к себе иноземцев, добивался свободного выезда своих подданных для получения образования в Западную Европу. Из всех замыслов самозванца самым грандиозным представлялось создание союза против Турции, в который должны были войти Германия, Франция, Польша, Венеция и Московское государство. На достижение этой цели были направлены дипломатические переговоры, которые Лжедмитрий вел с папой и Польшей.

Папа, иезуиты и Сигизмунд вынуждены были навсегда похоронить свою мечту о том, чтобы превратить Лжедмитрия в покорное орудие своей политики. Он держался независимо и не собирался выполнять условия, о которых он договаривался с поляками до выступления на русские земли. О том, чтобы ввести на Руси католичество, не могло быть и речи, а за обещанные земли Лжедмитрий предложил полякам денежную компенсацию.

В конце концов все щекотливые вопросы с поляками были улажены, и 10 ноября 1605 года в Кракове состоялось обручение Лжедмитрия с Мариной Мнишек. Их брак был заключен в Москве 8 мая 1606 года.

Лжедмитрию удавалось еще сохранять популярность среди жителей столицы, но прибывшие в Москву в свите Мнишек иноземцы вызывали в народе все большее раздражение. Шляхтичи не переставали хвастаться, что посадили на московский престол своего царя. Среди иноземцев преобладали украинцы, белорусы и литовцы, поляков же практически не было. Но их обычаи, поведение и наряды отличались от московских и уже только поэтому вызывали неприязнь. Больше всего негодовали москвичи из-за салютов из огнестрельного оружия, которые чуть ли не каждый день устраивали шляхтичи и их слуги.

Василий Шуйский

Недовольством народа решил воспользоваться некогда помилованный Лжедмитрием Василий Шуйский. В ночь с 16 на 17 мая он поднял против самозванца бояр, которые прибегли к обману. Они ударили в набат и объявили сбежавшемуся на его звук народу о том, что ляхи бьют царя. Толпы народа вступили в схватку с поляками, а бояре тем временем беспрепятственно проникли в Кремль.

Лжедмитрий, который ночевал в покоях царицы, направился к своему дворцу, чтобы посмотреть, что там происходит. Самозванец увидел бояр и сразу же все понял. Накануне вечером Шуйский отпустил 70 человек из 100 немцев, составлявших охрану царя, оставшиеся же не смогли оказать сопротивления боярам и сдались. Лжедмитрий бросился к окну и попытался спуститься вниз по лесам, устроенным для иллюминации, но упал и повредил ногу. Эта досадная неудача не позволила ему бежать из Кремля. Отрепьев пытался защищаться, однако силы были явно неравными, поэтому он бежал к стрельцам, но последние,

запуганные угрозами бояр, выдали его людям Шуйского. Последние не замедлили с казнью самозванца. Валуев убил Лжедмитрия выстрелом в голову.

В тот же день народу сообщили о том, что царь оказался самозванцем. Тогда провели и всенародную казнь лжецаря. Тело Лжедмитрия было сожжено, а его прахом зарядили пушку и выстрелили в сторону Польши, «в ту сторону, откуда он пришел».

Тушинский вор (Лжедмитрий II)

В середине 1607 года в Стародубе объявился Лжедмитрий II – личность, абсолютно неподходящая для трона. Польский ротмистр Самуэль Маскевич характеризовал его так: «Мужик грубый, обычаев гадких, в разговоре сквернословный». Происхождение этого человека покрыто мраком неизвестности. Одни историки утверждают, что он был учителем из белорусского городка Шклова, другие считают его поповичем, третьи – крещеным евреем. Некоторые исследователи связывают его появление с желанием польских панов посеять смуту в Московском государстве.

Самозванец, следуя совету агента Мнишек, Меховицкого, поначалу не решился объявить себя царем. Он назвался московским боярином Нагим и начал распространять в Стародубе слухи о том, что царевич Дмитрий остался в живых. Когда же стародубцы подвергли Лжедмитрия пытке вместе с его пособником, подьячим Алексеем Рукиным, последний признался, что боярин, называющий себя Нагим, и есть настоящий Дмитрий. После этих слов самозванец принял грозный вид и закричал: «Ах вы сякие дети, я государь!» Стародубцы тут же с причитаниями пали перед ним ниц: «Виноваты, государь, не узнали тебя; помилуй нас. Рады служить тебе и живот свой положить за тебя».

Самозванца освободили и окружили всяческими почестями. К нему присоединились Заруцкий и Меховицкий с польско-русским отрядом и несколько тысяч северцев. Встав во главе этого войска, Лжедмитрий II захватил города Карачев, Брянск и Козельск. В Орле к его отряду присоединилось подкрепление из Польши, Литвы и Запорожья.

В мае 1608 года войска самозванца, которыми командовал украинский князь Роман Ружинский, приведший тысячи добровольцев, завербованных в Речи Посполитой, одержали победу над Василием Шуйским под Волховом. Спустя некоторое время самозванец приблизился к Москве. Войско Лжедмитрия II остановилось в 12 км от столицы, в Тушине (ныне в черте Москвы), отчего впоследствии он и получил прозвище Тушинский вор.

Лжедмитрий II

Почти полтора года длился тушинский период Смутного времени. Войско самозванца состояло из польских, украинских, белорусских и русских авантюристов. Присоединились к нему также и представители знати, которые были противниками Василия Шуйского. Лжедмитрий привлекал на свою сторону народ, обещая взамен щедрую награду – земли бояр-изменников, он позволил даже насильно брать себе в жены боярских дочерей.

Лагерь самозванца превратился в укрепленный город. В состав его войска входили 7000 польских воинов, 10 000 казаков и несколько десятков тысяч всякого сброда.

Основной его силой было казачество, которое стремилось к установлению казачьей вольности. Один из служивших у Лжедмитрия поляков писал: «У нашего царя все делается, как по Евангелию, все равны у него на службе». Но после того как в Тушине появились родовитые люди, в лагерь самозванца проникли зависть, соперничество и споры о старшинстве. В августе 1608 года часть поляков, освобожденных по ходатайству короля Сигизмунда, присоединилась к тушинцам.

В их числе находилась Марина Мнишек, которая после уговоров Сапеги и Рожинского согласилась тайно обвенчаться со Лжедмитрием II, признав его своим мужем.

Как в столице, так и в ее окрестностях городах влияние самозванца с каждым днем все более возрастало. Ему подчинились Ярославль, Кострома, Вологда, Кашин, Муром и другие города. Однако поведение поляков и русских воров, которые образовывали шайки и, нападая на села, грабили их и издевались над людьми, вскоре вызвало бурю возмущения у русского народа, который разуверился в том, что в Тушине обосновался настоящий Дмитрий.

В конце концов положение царька пошатнулось. Один за другим стали от него отрекаться отдаленные города. Очередная попытка захвата Москвы не увенчалась успехом. Тем временем с севера вел свое наступление Скопин со шведами, в Пскове и Твери тушинцы были разбиты и обращены в бегство. Москва наконец-то освободилась от осады.

Сигизмунд III предпринял поход под Смоленск, во время которого из войска самозванца к нему перешло большинство поляков. Лжедмитрий вынужден был переодеться в крестьянина и бежать из в укрепленную Калугу, где его встретили с почестями. Сюда же прибыла и Марина Мнишек. Избавившись от надзора польских панов, Лжедмитрий почувствовал себя намного свободнее. Ему вновь присягнули Кашира и Коломна.

24 июня 1610 года под городом Клушиным, расположенным в 150 км от Москвы, поляки во главе с коронным гетманом Станиславом Жулкевским разгромили войско Шуйского. Путь на Москву был открыт. Жулкевский наступал на столицу с запада, а самозванец двинулся с юга. Лжедмитрию удалось взять Серпухов, Боровск, Пафнутьев монастырь и дойти до самой Москвы. Марина Мнишек остановилась в Николо-Угрешском монастыре, а самозванец – в дворцовом селе Коломенском. Обстоятельства складывались в его пользу. К тому же царский трон был свободен, потому что 17 июля Шуйского низложили и насильно постригли в монахи.

Однако и на этот раз новоявленному царьку не удалось, как его более расторопному предшественнику, захватить власть в свои руки. 17 августа Жулкевский заключил с московскими боярами договор о вступлении на российский престол сына Сигизмунда III, королевича Владислава, которому вслед за Москвой присягнули на верность многие города. В Москву был введен польский гарнизон, который отрезал самозванцу путь в Москву.

Однако Жулкевский решил уладить дела с Лжедмитрием, не прибегая к силе. Польский гетман от имени своего короля обещал самозванцу взамен за поддержку даровать город Самбор или Гродно. Но Лжедмитрий не желал соглашаться на подобные условия. Впоследствии Жулкевский записал в своих мемуарах: «Он не думал тем довольствоваться, а тем более его жена, которая, будучи женщиной амбициозной, довольно грубо бормотала: «Пусть Его Величество король уступит Его Величеству царю Краков, а царь Его Величество уступит королю Его Величеству Варшаву». Тогда Жулкевский, забыв о правилах хорошего тона, приказал арестовать царскую чету. Но не успел, потому что Марина Мнишек с царьком в сопровождении 500 казаков атамана Ивана Мартыновича Заруцкого бежали в Калугу.

Этот город явился для самозванца последним пристанищем. Лжедмитрий стал жертвой мести крещеного татарина Урусова, которого когда-то подверг телесному наказанию.

11 декабря 1610 года полупьяный Лжедмитрий, конвоируемый толпой татар, отправился на охоту, во время которой Урусов, уловив подходящий момент, рассек своему господину саблей плечо. После этого младший брат кровавого мстителя отсек Лжедмитрию голову.

Известие о смерти царя привело к сильному волнению в Калуге. Все татары, которые оставались в городе, были перебиты донцами.

В память об отце мятежники провозгласили сына Лжедмитрия II калужским царем.

Албанский принц с итальянским гражданством

Стефан Зданович в свое время был необычайно популярным человеком. А известность он приобрел благодаря тому, что выдавал себя за принца Албании, а затем – владыку Черногории.

Известно, что Стефан Зданович родился в 1752 году в Албании. В 1760 году семья Здановичей покинула родину и отправилась в Венецию. Фортуна улыбнулась отцу семейства, и он разбогател. Именно поэтому он смог дать хорошее образование обоим своим сыновьям в Падуанском университете.

В 1774 году вместе со своим братом Стефан предпринял путешествие по Италии. В один из дней они повстречали юношу-англичанина. Братья уговорили молодого человека сыграть с ними в карты. С помощью шулерских приемов они в два счета обыграли англичанина и потребовали незамедлительной выплаты карточного долга.

Молодой человек выплатить деньги не смог, а потому раздосадованные шулеры обратились к его родителям. Они же не только ничего не заплатили мошенникам, но и подали в суд на картежников. Судья вынес достаточно мягкий для того времени приговор: пожизненная высылка из Тосканского герцогства.

Однако на этом приключения братьев Здановичей не окончились. В надежде разбогатеть они пустились в путешествие по странам Европы. В течение всего следующего года они занимались тем, что, сидя за карточным столом, обыгрывали легковверных партнеров.

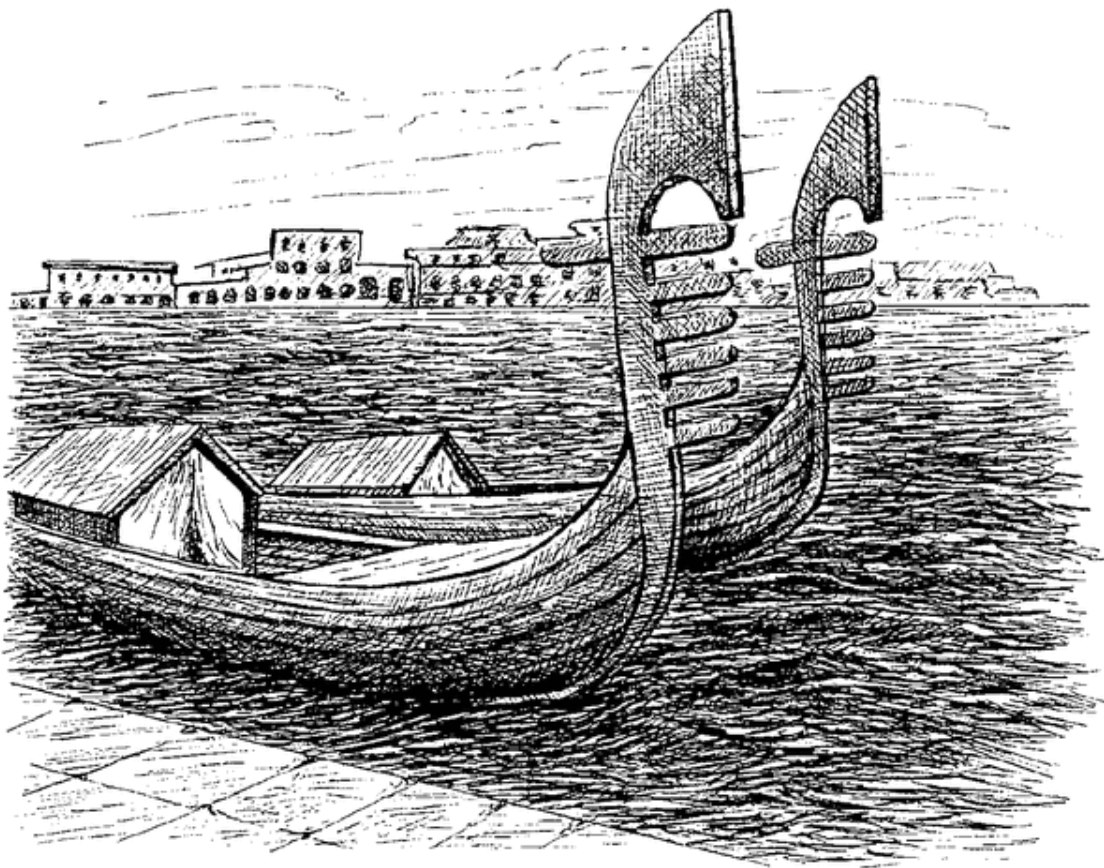
Наконец, однажды в Венеции им удалось обмануть в игре весьма влиятельного человека. Однако братьям Здановичам тогда удалось благополучно избежать наказания, поскольку они попросту вовремя скрылись от правосудия. Суд заочно приговорил мошенников к смертной казни через повешение. Казнь состоялась на следующий день. Поскольку преступников так и не удалось изловить, повешенными оказались портреты с их изображением.

Необходимо сказать, что в отличие от большинства мошенников, специализировавшихся на карточных играх, братья Здановичи были весьма образованными людьми. Они увлекались литературой, владели несколькими иностранными языками и превосходно танцевали. Известно также, что какое-то время они вели активную переписку с Вольтером и Даламбером. Кроме того, они близко знали знаменитого Казанову, который частично описал их похождения в «Записках».

После суда, состоявшегося в Венеции, братья решили расстаться. С тех пор каждый из них жил своей жизнью. Примислав поселился во Флоренции. А Стефан Зданович решил отправиться в Потсдам, где и находился достаточно долгое время, выдавая себя за албанского принца. Он вошел в доверие к прусскому принцу и его супруге, часто рассказывая им о том, как ему пришлось покинуть родную Албанию из-за происков завистников.

Идиллию его существования нарушили газеты. Одна за другой стали появляться статьи, повествовавшие о похождениях двух братьев, карточных шулеров. В результате из опасения быть узнанным Стефан решил покинуть дворец принца и бежать из страны.

На этот раз Стефан Зданович остановился в Голландии. Нужно сказать, что к тому времени он (вероятнее всего, в карточной игре) смог раздобыть рекомендательное письмо венецианского посланника в Неаполе. Благодаря той бумаге Стефан оказался принятым в аристократических кругах общества.

Особенно часто посещений мошенника удостоивались состоятельные банкиры. В целом в результате мошеннической деятельности самозванца они потеряли сумму, составлявшую около 300 000 гульденов, обеспечив тем самым известному авантюристу довольно безбедное существование. Пожалуй, не нужно говорить о том, что, заполучив требуемую сумму, мошенник тот же час бежал из страны.

Поняв, что авантюриста догнать невозможно, обиженные банкиры решили предъявить иск самому послу Венеции в Голландии. Однако тот, пожурив пострадавших и посетовав на их глупость и наивность, категорически отказался выплачивать требуемую сумму.

Тогда на помощь банкирам пришло правительство Голландии, возглавляемое принцем. Оно предъявило иск правительству Венеции на выкраденную одним из его подданных сумму в размере 300 000 гульденов. Однако и на этот раз банкиры оказались в проигрыше. Власти Венеции наотрез отказались платить деньги за мошенника, который был повешен несколько лет назад.

Таким образом, у Голландии появился повод развязать войну. Спустя некоторое время после судебного разбирательства война была объявлена. Однако бессмысленное кровопролитие удалось вовремя остановить с помощью третьего лица, в качестве которого выступил тогда император Австрии Иосиф II.

А в то время, пока шло разбирательство по делу об украденных деньгах, сам виновник политического спора смог пробраться в Черногорию, где выдал себя за воскресшего владыку Степана Малого. Спустя два года он отправился с визитом к королю Фридриху, которому представил письмо с описаниями его заслуг в войне черногорцев с турками.

Однако в Черногории слишком хорошо знали Степана Малого, чтобы поверить самозванцу. Испугавшись жестокой расправы со стороны местных жителей, Стефан Зданович решил скрыться в Польше. Но и там он не смог долго находиться.

После этого Стефана Здановича не раз видели в Речи Посполитой, Германии, Амстердаме и Голландии. Известна крупная афера, проведенная мошенником в 1776 году. Тогда он жил в Германии и ему удалось получить огромную сумму денег от поляков-конфедератов, которые стремились к тому, чтобы развязать войну между Турцией и Россией.

В 1783 году Стефан Зданович появился в Амстердаме. Там он называл себя Царабласом и брал в долг у легковых богачей значительные суммы денег. Спасаясь от правосудия, мошенник вновь вынужден был бежать. Однако тогда он был пойман и препровожден в тюремную камеру.

Спустя некоторое время авантюрист отправился в Голландию, где, называя себя князем Здановичем-Албанским, принял активное участие в восстании, направленном против власти Иосифа II. Затем он пообещал восставшим, что сможет поднять на войну черногорцев. Однако сделать это ему так и не удалось. Он был пойман, осужден как самозванец и приговорен к тюремному заключению.

Быть может, спустя некоторое время Стефан Зданович вновь оказался бы на свободе. Однако судьба непредсказуема. В ночь на 25 марта 1785 года он был обнаружен тюремным охранником мертвым в своей камере. Врачи определили, что он покончил жизнь самоубийством, вскрыв себе вены.

В своем признательном письме, адресованном герцогине Кингстон, Стефан Зданович писал о том, что всю свою жизнь носил чужие имена, разыгрывая из себя разных людей.

История графа де Бонневаль (Ахмет-паша)

Ахмет-паша известен как человек, который, будучи уже зрелым мужчиной, принял мусульманство, участвовал во многих военных походах и, кроме того, в предприятиях сомнительного свойства.

Мало кто сейчас знает о том, что настоящим именем Ахмет-паши было Клод-Александр граф де Бонневаль. Он родился в 1675 году в семье знатного дворянина. Сохранившиеся документы свидетельствуют о том, что Ахмет-паша происходил из старинного рода Бурбонов, знаменитой династии королей Франции.

Клод-Александр рос упрямым и своенравным ребенком и с самого раннего детства доставлял родителям и окружающим немало хлопот. Для того чтобы привить ему правила хорошего тона и обучить некоторым наукам, отец отдал его на воспитание в иезуитскую коллегию. Среди прочих предметов там особенно выделялись богословие и изучение древних языков.

Но и добропорядочные иезуиты не смогли воспитать в мальчике покорность и усидчивость. Очень скоро они обратились к его отцу с жалобами на беспокойный нрав ученика. А потому граф де Бонневаль вынужден был забрать сына из иезуитской коллегии.

В возрасте 13 лет Клод-Александр был отправлен отцом на военную морскую службу. Однако и суровый распорядок дня морских солдат не переломил твердого характера своенравного юноши. Особенно тяготила подростка необходимость точно соблюдать установленный кем-то раз и навсегда распорядок дня, который никак нельзя было назвать легким.

Известен случай, когда на одном из военных смотров молодой граф де Бонневаль отказался выполнять приказ, данный командиром. Вследствие этого он навлек на себя неудовольствие морского министра маркиза де Сеньеле, имевшего огромную власть при дворе.

Клод-Александр Бонневаль Ахмет-паша

Разгневанный маркиз приказал было изгнать графа из флота, приговаривая, что таким солдатам, как гардемарин де Бонневаль, нет места среди французских матросов. На это Клод-Александр гордо заявил: «Людей моего имени не исключают, господин министр». Такой смелый ответ солдата пришелся по сердцу старому командиру, и он приказал произвести отличившегося в мичманы.

Время рассудило простого гардемарина и знатного министра, доказав последнему правоту его решения оставить графа на службе. В сражениях, происходивших под Дьепом, Ла-Гогом и Кадиком, Клод-Александр де Бонневаль зарекомендовал себя как отважный и храбрый боец, не страшившийся вражеских пушек.

Кроме того, командуя небольшой группой гардемарин, он проявил себя как талантливый флотоводец, который может не только посылать подчиненных на смерть, но и находить выходы из самых сложных и опасных ситуаций. Необходимо заметить, что знаменитому мичману в то время едва исполнилось 20 лет.

Подобная смелость, бескомпромиссность и решительность де Бонневалья проявлялись не только во время морских военных походов, но и в мирной жизни. Так, например, известно о произошедшей в ту пору дуэли между молодым графом и одним из офицеров.

Необходимо заметить, что дуэли тогда были категорически запрещены во французской армии. Они приравнивались к преступлению, а потому лица, участвовавшие в дуэлях, неизменно представляли перед военным судом.

Так случилось и с Клодом-Александром де Бонневалем. Решением суда он был лишен звания и изгнан из флота. Следующие три года незадачливый гардемарин служил в полку телохранителей. А начиная с 1701 года был назначен командиром инфантерийского полка.

Как командир отряда пехоты Клод-Александр де Бонневаль также не раз отличался. Так, например, известны его победы в Итальянской и Нидерландской военных кампаниях, командование которыми вели, соответственно, маршалы Катин и Люксембург. Однако, несмотря на столь очевидные и громкие заслуги перед отечеством, де Бонневаль не получил ни одной награды. Виной тому был его тяжелый характер. До командования не раз доходили слухи о тирании и вымогательстве командира инфантерийского полка.

Естественно, своенравный де Бонневаль не мог долго терпеть подобное с ним обхождение. Спустя некоторое время после возвращения из Нидерландского похода он серьезно поссорился с военным министром Шамильяром. Суровый и справедливый министр не захотел спускать с рук такой проступок офицера, а потому отдал приказ о придании де Бонневалья военному суду. Однако враждовавшие стороны сошлись на том, что виновный покинет ряды французской армии, что называется, без суда и следствия.

Таким образом освободившись от тяжелой армейской службы, граф де Бонневаль отправился в путешествие по Италии. Зимой 1706 года он повстречал на своем пути маркиза де Лангалдери, который также долгое время служил в армии, а затем по принуждению вышел в отставку. Но де Лангалдери был настоящим солдатом, а потому решил не оставлять военного ремесла. После выхода в отставку во французской армии он завербовался на службу в армию Австрии.

Графу де Бонневалью армейская служба также пришлась по сердцу. Но он некоторое время никак не мог решиться перейти в австрийскую армию. Убедил его принять подобное решение принц Австрии Евгений, узнавший об отважном де Бонневале еще во время военных кампаний французской армии.

В австрийской армии Клод-Александр де Бонневаль сразу же получил звание генерал-майора и не раз принимал участие в военных походах армии, возглавляемой принцем Евгением. Часто, как, например, в сражениях во Фландрии и Италии, его врагами оказывались его же соотечественники, французы.

В составе войска принца Евгения Клод-Александр де Бонневаль участвовал в битвах, происходивших в Александрии, Савойе и Дофине. Кроме того, полк французского графа брал штурмом Тортонский замок, бывший владением Папы Римского. В той осаде де Бонневаль остался без руки. Однако и покалеченный, он не думал о том, чтобы оставить военное дело и заняться каким-либо мирным ремеслом. Несмотря на столь ревностное служение своему делу, графа де Бонневалья нельзя было назвать безудержным маньяком. Действительно, ему по душе пришлась военная служба, однако не уничтожение человека было для него главным.

Де Бонневаль был солдатом до мозга костей, но не маньяком. Об этом свидетельствует тот факт, что, встретившись однажды на поле боя со своим братом, маркизом де Бонневалем, он не убил его, а, напротив, помог выбраться живым из самого пекла боя, который завязался между французской и австрийской армиями.

В 1715 году де Бонневаль был награжден от имени командования австрийской армией повышением по службе. Тогда ему присвоили звание фельдмаршала-лейтенанта. После

этого он принимал участие в знаменитой Турецкой кампании и ряде других военных походов. В бою при Петервардейне, произошедшем в 1716 году, де Бонневаль был тяжело ранен в живот. Спустя некоторое время после этого он вынужден был вновь оставить службу в армии, но вовсе не из-за полученного ранения.

Дело в том, что после окончания войны де Бонневаль возвратился в Австрию, ко двору принца Евгения. В то время легкомысленный, взрывной и эгоистичный характер героя нескольких успешных военных кампаний снова заявил о себе. Дошло до того, что французский граф стал вмешиваться в дела самого принца, чего высокопоставленная особа, конечно же, не могла стерпеть.

В результате многочисленных обоюдных перепалок австрийский принц Евгений повелел своему вассалу отправиться на учебу в Нидерланды. Там он проходил службу, занимая должность фельдцейхмейстера.

Нужно сказать, что пребывание де Бонневаля в Брюсселе отнюдь не было спокойным. В течение короткого срока он умудрился поссориться со многими влиятельными людьми страны и даже с самим губернатором, маркизом де Призом.

Из сохранившихся до наших дней письменных источников стало известно, что граф де Бонневаль некоторое время занимался шпионажем. В Брюсселе ему удалось близко познакомиться с французскими и испанскими послами, через которых он передавал сведения, выведенные у австрийского правительства. Узнав об этом, принц Евгений повелел сурово наказывать шпиона. В результате Клод-Александр де Бонневаль оказался заточенным в высокую тюремную башню, из окна которой был виден только лишь небольшой кусочек неба да пролетающие мимо птицы. Просидев в тюремной камере около года, де Бонневаль был отпущен на свободу и выслан из Австрии как человек, нанеший серьезный вред государству.

После того как де Бонневаль оказался за пределами Австрии, он решил отправиться в далекую и загадочную Турцию. Он остановился в Константинополе и вскоре принял ислам, после чего стал зваться Ахмет-пашой.

Находясь в столице Турции, де Бонневаль (новоявленный Ахмет-паша) устроился на службу в армию турецкого султана. В одном из писем де Бонневаль сообщал о том, что он стал турецким воином только потому, что остался без средств к существованию.

За доблестную службу турецкий султан присвоил де Бонневалю звание трехбунчужного паши. В то время в турецкой армии особенно отличившихся воинов награждали бунчуками, связанными вместе конскими волосами, которые представляли собой своеобразные знаки отличия. Чем больше у воина было таких бунчуков, тем более высоким званием он обладал.

Во время службы в турецкой армии де Бонневаль провел, говоря современным языком, несколько реформ, касавшихся воинского порядка. Кроме того, он принимал участие в крупных кампаниях против России и Персии.

Помимо бунчуков, турецкие воины-офицеры в случае победы могли получить достаточно большие земельные наделы или почетные должности. Французский граф де Бонневаль, воин Ахмет-паша, за успешно проведенную кампанию был награжден должностью наместника в области Хиос.

Нужно сказать, что благорасположение турецкого султана к бежавшему из Франции и Австрии офицеру длилось недолго. Действительно, султан и Ахмет-паша какое-то время были близкими друзьями. Однако завидовавшие воину приближенные владыки вскоре стали устраивать различные козни. В результате поверивший рассказам прислуги султан приказал отобрать у Ахмет-паши его земли, после чего отправил впавшего в немилость вассала в пашалык (маленькое поместье), находившийся на побережье Черного моря.

Таким образом де Бонневаль, удачливый когда-то военный офицер, оказался в совершенном одиночестве. Долгое время никто из людей не бывал в далеком поместье доблест-

ного Ахмет-паши. Однажды, когда де Бонневаль уже не надеялся на то, чтобы увидеть живого человека, к нему с визитом прибыл Джакомо Каталано, более известный под именем Казанова.

Много вечеров провели в беседах Казанова и де Бонневаль. Позднее откровения франко-австро-турецкого подданного были записаны его собеседником в дневник. Из него-то современные историки и узнали о годах жизни Клода-Александра де Бонневалья в Турции.

В своем дневнике Казанова упомянул также и об отношении де Бонневалья к новой, принятой им на чужой земле вере. Оказалось, что Ахмет-паша являлся не такими уж и ревностным приверженцем ислама. Он любил пропустить стаканчик-другой хорошего вина и не сделал обрезания – словом, он делал то, что, по сути, было запрещено священной книгой мусульман, Кораном.

Самым необычным зрелищем из того, что удалось увидеть Казанове в замке де Бонневалья, оказалась библиотека, в которой на книжных полках ровными рядами стояли... бутылки с различными сортами вин. Как человек, принявший ислам, Ахмет-паша должен был прятать свои «сокровища» от глаз тех редких гостей, которые навещали его. По мнению де Бонневалья, каждый человек может делать со своей жизнью все, что ему хочется.

Один из разговоров Казановы и де Бонневалья закончился такими словами последнего: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед пророк его». Но после недолгого молчания хозяин отдаленного поместья добавил: «Я обязан лишь произносить это, а думаю я так или нет – это не забота турков». Затем де Бонневаль похвастался, что знает текст Корана так же хорошо, как и текст Евангелия.

Граф де Бонневаль, Ахмет-паша, скончался в Константинополе, достигнув 72 лет. Будучи уже умудренным прожитыми годами старцем, он изъявил желание побывать на родине. Однако этой мечте великого авантюриста не суждено было сбыться.

После смерти его похоронили на кладбище, находящемся в Пере. Его могильную плиту украшает надпись: «Бог вечен: преславный и великий Бог да упокоит вместе с истинно правоверными усопшего Ахмета-пашу, начальника бомбардиров. 1160 год Эгиры». Могила бесстрашного полководца и смелого человека сохранилась до наших дней.

Степан (Стефан) Малый

В начале 1766 года на Адриатическом побережье, в черногорской деревне Маина объявился знахарь-чужестранец, который нанялся в батраки к состоятельному черногорцу Вуку Марковичу. Звали его Степан Малый. В отличие от деревенских знахарей он не брал платы со своих пациентов до тех пор, пока те полностью не выздоравливали. Степан не только лечил людей, но и вел с ними беседы о миролюбии и доброте, о необходимости прекратить межобщинные распри. Удалось ему завоевать не только расположение, но даже и уважение своего хозяина, которого он тоже излечил от болезни.

Со временем в речах Степана Малого появилась таинственная важность. По его просьбе один из солдат отнес генеральному проведитору А. Реньеру письмо, предназначенное самому венецианскому дожу, в котором Степан сообщал о том, что в скором времени в Котор прибудет «свет-император». Дело в том, что в те годы приморские территории Черногории, которыми завладела Венецианская республика, назывались венецианской Албанией. Управлял этими областями наместник, или генеральный проведитор, резиденцией которого являлся Котор.

В конце лета 1767 года по окрестным селам поползли слухи, что батрак Степан – это не кто иной, как русский царь Петр III. Хотя он сам не подтвердил в открытую это известие и продолжал называть себя прежним именем, нашлось немало любопытных, которые пытались сравнить облик Степана Малого с портретами русского царя, дабы найти между ними внешнее сходство. Один из очевидцев происходящего описывал Степана так: «Лицо продолговатое, маленький рот, толстый подбородок... блестящие глаза с изогнутыми дугой бровями. Длинные, по-турецки, волосы каштанового цвета... Среднего роста, худощав, белый цвет лица, бороды не носит, а только маленькие усики... На лице следы оспы... Кто бы он ни был, его физиономия весьма сходна с физиономией русского императора Петра Третьего... Его лицо белое и длинное, глаза маленькие, серые, запавшие, нос длинный и тонкий... Голос тонкий, похож на женский...» В то время ему было лет 35–38.

Истинное происхождение Степана неизвестно. Разным людям он сообщал противоречивые сведения: называл себя далматинцем, черногорцем, дезертиром из Лики или говорил, что пришел из Герцеговины или из Австрии. Патриарху Василию Бркичу заявил, что родился в Требинье, «лежащем на востоке». Ю. В. Долгорукову объяснил, что во время своих странствий часто изменял имена, поэтому предложил ему целых три версии своего происхождения: Раичевич из Далмации, турецкий подданный из Боснии и выходец из Янины. Степан Малый прекрасно знал сербскохорватский язык. Кроме того, он мог свободно изъясняться на немецком, французском, итальянском, турецком языках, русский же знал неважно.

Сразу же после того, как Степан признался в своем царском происхождении, нашлись люди, которые с готовностью подтвердили эту ложь. Среди них были Марко Танович, монах Феодосий Мркоевич, игумен Йован Вукачевич, некогда бывавшие в России и видевшие царя Петра Федоровича. Внешнее сходство Степана с русским императором окончательно подтвердилось, когда в одном из монастырей был найден портрет Петра. Чуть позже в поддержку мнимого Петра III выступили видные иерархи православной церкви. Особенно кстати оказалось сообщение русского офицера, с которым Степан встретился в Черногории незадолго до описываемых событий, о присланных из России золотых медалях. Трудно описать словами удивление черногорских старшин, к которым «русский царь» обратился с требованием отчета о том, куда они подевали те самые медали.

11 октября 1767 года генеральный проведитор поручил полковнику венецианской службы Марку Антонию Бубичу встретиться со Степаном Малым и побеседовать с ним. В

своем отчете полковник записал: «Особа, о которой идет речь, отличается большим и возвышенным умом».

Скоро в горном селе Цегличи состоялся совет старшин, которые вынесли решение принять Степана за русского царя. Захваченный общим настроением, на встречу с ним приехал престарелый митрополит Савва, который был фактическим правителем страны. Самозванец покорила владыку своим красноречием по поводу пороков черногорского духовенства. По окончании беседы митрополит был до того подавлен, что пал перед Степаном на колени и удалился сраженный.

В конце октября в Цетинье на всенародном собрании (зборе, скупщине), на которое явились около семи тысяч человек, был зачитан первый указ новоявленного царя. Сам Степан не решился появиться перед народом и ожидал результатов собрания в Маине. Его указ, призывавший к установлению в стране мира и прекращению кровных распрей, был принят единогласно. На том же собрании Степана Малого не только признали русским царем, но и провозгласили государем Черногории. Вынесенное решение было подтверждено особой грамотой, которую 2 ноября 1767 года торжественно вручили Степану.

Популярность нового правителя возрастала день ото дня. Степану, окруженному охранниками, то и дело приходилось принимать паломников, которым он выкатывал бочки вина, милостиво предоставленные «государю» митрополитом Саввой, поскольку собственным доходом «царь» еще не располагал.

В начале ноября 1767 года Степан Малый впервые объехал страну. Повсюду черногорцы восторженно встречали своего правителя. Опасаясь народных волнений, венецианские власти предоставили самозванцу свободу. Генеральному проведитору в те дни оставалось лишь сетовать на свое вынужденное бездействие: «Благоразумие не позволяет мне прибегнуть к решительным мерам, чтобы не возбудить открытого сопротивления».

Противопоставляя Степана венецианцам, один из черногорских старшин с восхищением писал: «Наконец Бог дал нам... самого Степана Малого, который умиротворил всю землю от Требинья до Бара без веревки, без галеры, без топора и без тюрьмы». Один из губернаторов, только что получивший свой пост, обратился к Степану со словами: «Наиславный, наивозвышенный, наивеликий... господин, господин государь, царское крыло, небесный ангел».

Черногорцы с абсолютным спокойствием относились к раздвоению личности своего героя: его считали Петром III, но продолжали именовать Степаном. Так же черногорский государь и подписывался под издаваемыми им документами. На личной печати он приказал добавить к своему имени лишь придуманный им самим титул – «милостью Божией Степан Малый».

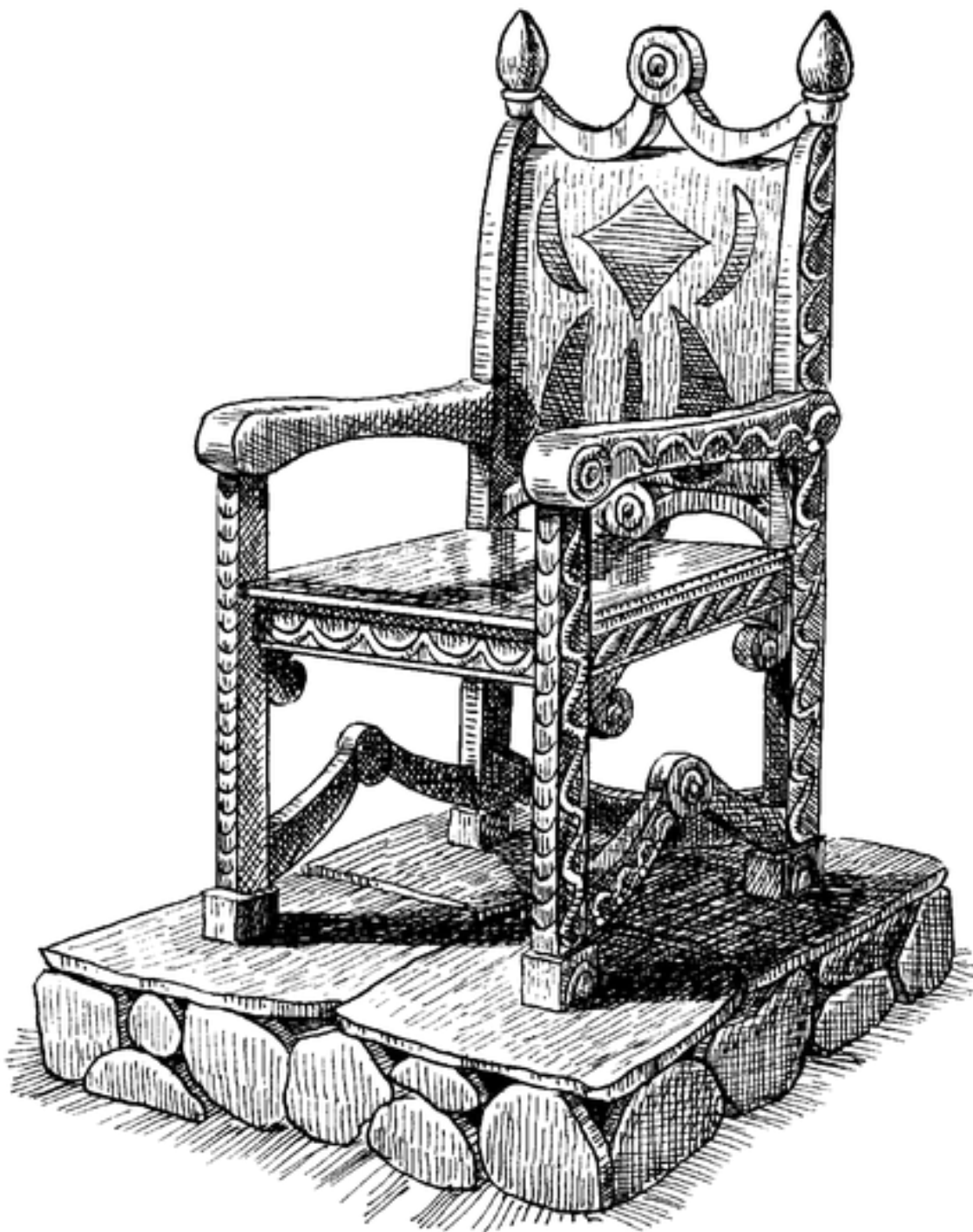
Расчетливый самозванец преднамеренно не изменял свое имя на русское Петр. В этом сыграл свою роль тонкий расчет: само имя Степан, в переводе с греческого означающее «венец», было наполнено царственным смыслом. Плюс ко всему именно так именовали многих сербских государей из династии Неманичей.

Все складывалось как нельзя лучше до тех пор, пока митрополита Савву не начало раздражать все большее возвышение самозванца. Владыка корил себя за то, что когда-то проявил неслыханную слабость и подчинился Степану. В конце концов старец решил обратиться к русскому послу в Константинополе А. М. Обрескову, которому в письме изложил состояние дел в Черногории. Не менее возмущенный посол сразу же ответил. В его письме содержались разоблачительные слова: «Удивляюсь, что ваше преосвященство... впали в равное... с вашим народом заблуждение». Получив аргумент не в пользу Степана, Савва разослал копии письма во все черногорские общины.

Однако, будучи ловким политиком, Степан быстро нашел выход из критической для его персоны ситуации. В феврале 1768 года в монастыре Станевичи состоялась сходка стар-

шин, на которую был приглашен и Степан. Самозванец избрал сильнодействующее средство: он объявил, что митрополит оговаривает его, следуя, прежде всего, интересам Венеции, и обличил владыку в расхищении поступавших в дар от России ценностей и спекуляции землями. Не успел Савва опомниться, как лишился всего своего богатства: его дом, монастырь и еще несколько церквей в мгновение ока оказались разграбленными, сам же владыка вместе с членами его семейства был взят под стражу.

Степан остался у власти, а своим ближайшим советником он назначил в недавнем времени изгнанного из резиденции в городе Печ сербского патриарха Василия Бркича. В марте 1768 года Василий обратился с призывом ко всему православному населению о почитании Степана как русского царя. Для того чтобы подкрепить эту версию, в день Петра и Павла, который православная церковь праздновала 29 июня, самозванец устроил торжественную церемонию в честь Петра Великого и «своего сына», цесаревича Павла Петровича.

На посту государя Степан показал себя энергичным и дальновидным политиком, лейт-мотивом деятельности которого стало требование мира. Прежде всего самозванец решил установить в Черногории неплеменную систему управления по типу государственной. Первым шагом на этом пути стало стремление к искоренению всяческих распрей – от кровной мести до межплеменных войн. Любое проявление кровной мести грозило зачинщику изгнанием из страны.

Кроме того, Степан Малый составил последовательную программу преобразований. Он ввел суровые наказания за убийство, воровство, угон чужого скота, умыкание женщин и двоеженство. В мае 1768 года были приведены в исполнение первые приговоры: одного

черногорца повесили за братоубийство, с двоих взяли штраф в размере 100 дукатов. Всем, кого когда-то выслали из страны, разрешили вернуться.

Однако осуществлять подобные реформы было нелегко, поскольку Степан мог рассчитывать лишь на отряд, состоявший из 15 человек, то есть свою личную охрану. Только в конце 1772 года специально для контроля над исполнением судебных приговоров был создан отряд из 80 человек, которым управлял ранее служивший у русских С. Баряктарович. Приговоры выносил суд из 12 человек. Еще одной из заслуг самозванца стала перепись населения, проведением которой занимались пять старшин. Чтобы упрочить свою власть, Степан Малый издал специальную грамоту, провозгласившую отделение церкви от государства.

Черногорцы с одобрением восприняли реформы «царя». А. М. Обресков доносил в Петербург из Константинополя: «Прекратил между славянским народом разных званий издревле бывшие между ними вражды». Савва писал: «Начал между народом черногорским великое благополучие чинить и такой мир и согласие, что у нас еще никогда не было».

Степану удалось добиться резкого сокращения кровавых распрей и установить порядок на дорогах в условиях борьбы с венецианцами и турками. Авторитет его возрос до такой степени, что о нем даже слагали легенды. Одна из них рассказывает о том, как Степан рассыпал на дороге золотые монеты и положил пистолет в серебряной оправе. Все эти вещи оставались нетронутыми в течение нескольких месяцев.

Из многих мест Степан получал письма с заверениями, что народ «готов пролить кровь за царскую славу». Некоторые албанские села отказались платить харач туркам. Поддерживали самозванца и на Адриатическом побережье. Один из почитателей государя сложил в честь Степана сонет, в котором были такие слова: «Спустя пять лет после того, как ужасным образом сорвана корона с чела, приходит беспокойная тень в эти горы, чтобы найти здесь благочестивое успокоение». Далее звучит призыв: «Но если не хочешь отдыха на этой земле, иди туда, роковая тень, где у тебя было отнято царство, и подними войну». В этих строках звучало своеобразное пророчество, предвещавшее крестьянскую войну 1773–1775 годов. В начале 1774 года дубровницкий посланник в Петербурге, Ранина, писал на родину: «В губернии Оренбург, около сибирской границы, восстал один человек, в некотором роде Степан Малый, который выдает себя за Петра Третьего».

Венецианскую республику беспокоила судьба далматинских владений, население которых открыто выступало в поддержку самозванца. Правительство пыталось избежать войны, поэтому венецианский суд инквизиторов отправил которскому проведитору предписание «прекратить жизнь иностранца, виновника происходящих в Черногории волнений», к посланию прилагались несколько флаконов с ядом и отравленный шоколад. Исполнителю сего предписания заранее было обещано помилование, убежище в Венеции и денежное вознаграждение в 200 дукатов. Однако нанятые венецианцами люди не смогли пробраться к Степану, так как охрана ни на минуту не оставляла его. Степан же стремился решить конфликт мирным путем и отправил в сенат письмо: «Вижу, что готовите войска для того, чтобы опустошить три общины (Маине, Побори и Браичи, перешедшие на сторону Степана), которые никому не причинили зла... Прошу не губить людей ради меня и оставить меня в покое». Но это письмо не привело к желаемому результату.

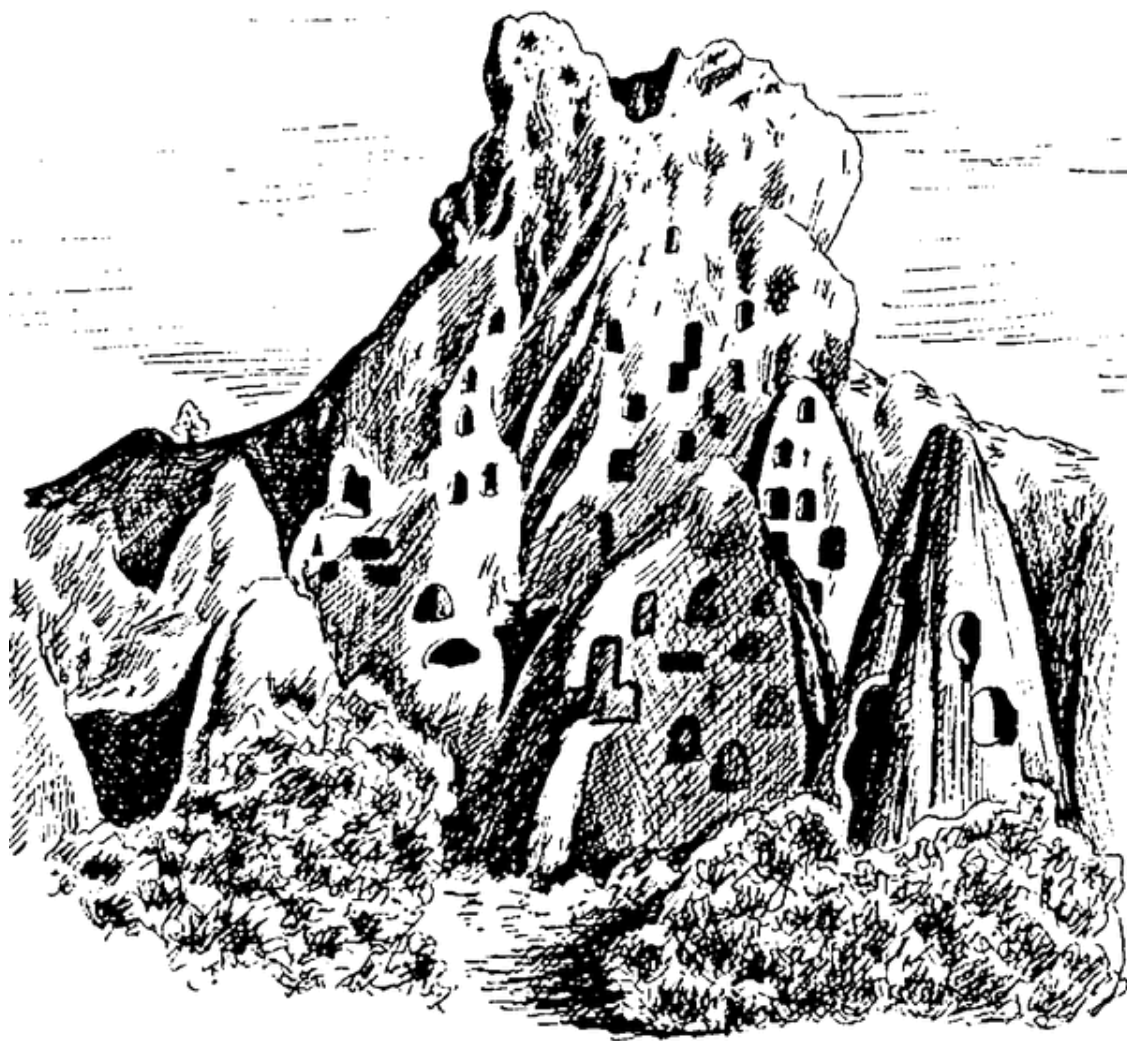
Венецианцы сумели внести раскол в черноморские общины в Приморье, после чего развернулись военные действия. В апреле 1768 года венецианский отряд из 4000 человек двинулся на Маине. Степан располагал всего лишь тремя сотнями вооруженных сторонников, поэтому вынужден был уйти в горы. Венецианцы остановились у подножия Черной горы, отрезав черногорцам выход к морю.

В 1768 году губернатор и воеводы с негодованием писали наместнику А. Раньеру, выражая свое недовольство тем, что их принимают за неприятелей «без всякой вины». В то же время они выражали свою преданность Степану – «человеку из царства Московского,

которому... обязаны везде до последней капли крови служить, будучи объединенными одной верой и законом». «Все мы умрем... но от Московского царства отойти не можем», – уверяли они наместника.

В октябре 1768 года венецианские карательные войска высадились в прибрежной зоне Черногории. В селах начались массовые репрессии.

В то же время против Степана выступили турки, поскольку в Стамбуле сочли, что он представляет серьезную угрозу для Турции, так как способствует превращению Черногории в крепкое государство. Тем временем десять племен, находившихся в подчинении у турок, подняли восстание против них и перешли на сторону Степана. Сам «государь» не стремился к развязыванию войны. Чтобы сохранить мирные отношения с турками, он даже гарантировал им свою вассальную зависимость, обещал уплатить харач и выдать заложников. Однако все эти усилия ни к чему не привели.

В январе 1768 года османское войско численностью 50 000 человек выступило против Черногории. Степану же удалось собрать всего лишь 2000 человек, которые, естественно, не смогли оказать должного отпора туркам. 5 сентября отряд самозванца попал в окружение и был наголову разбит османским войском. Степану чудом удалось спастись от плена. Он нашел прибежище в одном из горных монастырей, где скрывался в течение девяти месяцев.

Вскоре началась русско-турецкая война, и турки, которые не в силах были вести войну на два фронта, оставили Черногорию. В интересах России было воспользоваться поддерж-

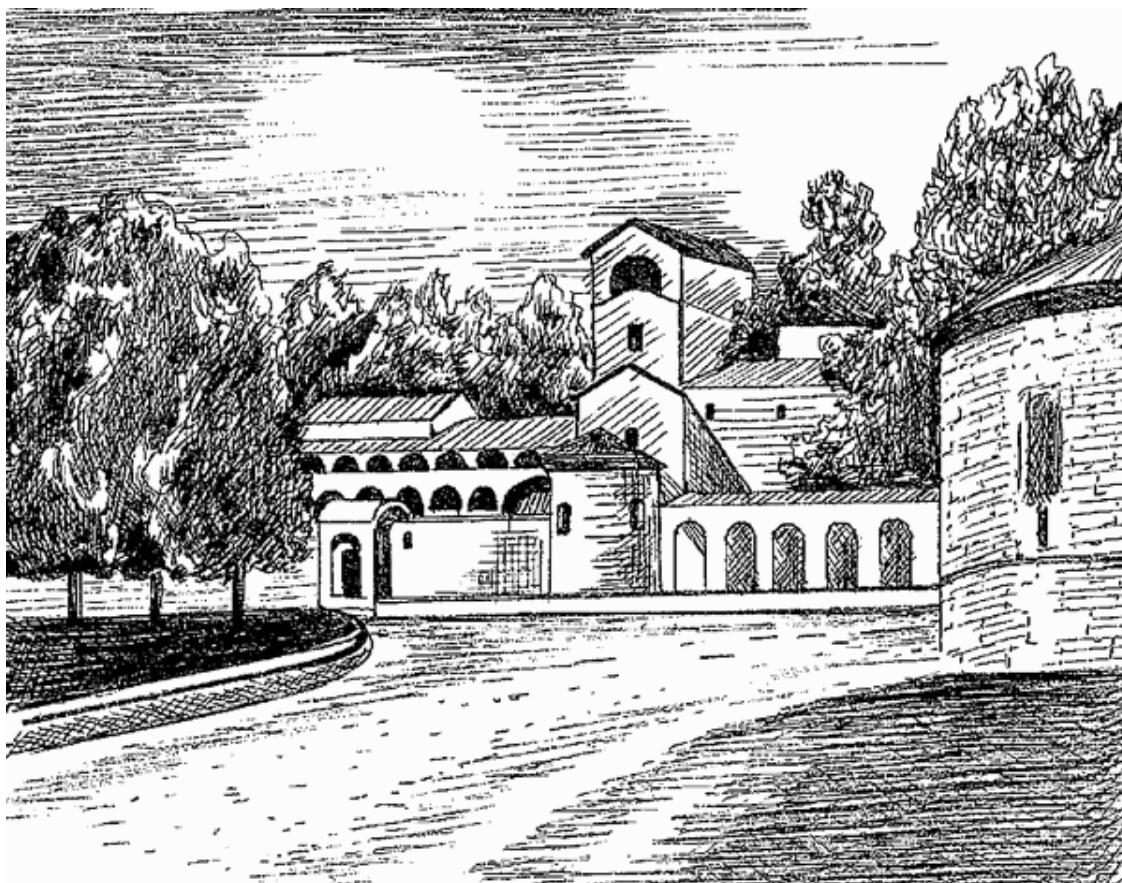
кой балканских народов, найдя под гнетом Османской империи. Правительство Екатерины II регулярно получало сведения о деятельности Степана Малого от А. М. Обрескова из Стамбула и Д. М. Голицына из Вены.

Летом 1769 года в Черногорию прибыла миссия из России, возглавляемая генералом от инфантерии Ю. В. Долгоруковым, который впоследствии сыграет немаловажную роль в судьбе самозванца.

12 августа миссия, состоявшая из девяти офицеров и 17 солдат, прибыла на черногорское побережье, прихватив с собой около 100 бочек пороха и 100 пудов свинца. Затем команда, с большим трудом преодолев каменные россыпи и ущелья, добралась до монастыря Брчели, где была встречена духовенством.

На следующий же день в сопровождении черногорцев к генералу явился Степан Малый. Долгоруков не скрывал своего намерения разоблачить перед черногорцами самозванца. Однако Степан решил не сдаваться без борьбы. Он объехал все окрестные села, возмущая народ. Приказ арестовать самозванца так и не был приведен в исполнение.

17 августа на поле перед воротами Цетинского монастыря собралось около 2000 черногорцев, губернатор и старшины. В присутствии Долгорукова один из монахов огласил грамоту, составленную Василием Бркичем. Патриарх провозглашал Степана обманщиком, неизвестным бродягой, «возмутителем покоя и злодеем нации». После того как Долгоруков подтвердил эти слова, на поле установилась тишина.

Затем был прочитан манифест Екатерины II от 19 января 1769 года, переведенный потом на сербский язык, в котором русская императрица призывала христианские народы Балканского полуострова оказать помощь России в борьбе с турками. Долгоруков обратился к собравшимся с вопросом: «Обещает ли народ черногорский... со своей стороны верность

и усердие и желает ли это утвердить присягою?» По толпе прокатился одобрительный шум. Началось целование креста Евангелия, продолжавшееся до вечера, после чего князь, уверенный в том, что разоблачил самозванца, приказал раздать народу 400 дукатов.

Наутро произошло событие, последствия которого оказались абсолютно непредсказуемыми. На рассвете к Цетинскому монастырю верхом на коне и с обнаженной саблей приехал Степан Малый, появление которого народ встретил с ликованием. Вооруженные черногорцы окружили своего предводителя и двинулись к монастырю. Доподлинно неизвестно, какими правдами или неправдами Долгорукову удалось склонить народ на свою сторону, но в конце концов Степана отвели в монастырь и, обезоружив на глазах у толпы, начали допрашивать. Вероятно, тогда же он и признался в своем подлинном происхождении.

Главной ошибкой самозванца стало то, что он позволил себя обезоружить, что само по себе у черногорцев приравнивалось к бесчестию. Среди людей, которые всего лишь несколько часов назад готовы были следовать любому приказу своего «государя», стали раздаваться возгласы: «Повесить!», «Изрубить на куски!» С большим трудом русские солдаты спасли Степана Малого от самосуда. Самозванец угодил в тюрьму. Однако, как выяснилось, ненадолго.

Долгоруков продолжал настраивать воевод Боснии и Герцеговины на восстание против турок. По сути дела, князь продолжал политику самозванца. Но действия русского генерала вызвали все большее недовольство у населения. Чтобы как-то спасти положение, Долгоруков вынужден был искать советников, и самым надежным среди них оказался, как ни странно, Степан Малый, которого вскоре выпустили из тюрьмы, пожаловали ему чин и подарили русский мундир. Кроме того, Долгоруков вновь назначил его начальником Черногории.

С тех пор Степан стал признанным правителем страны. Вновь было восстановлено былое влияние самозванца в народе. Еще в Цетинском монастыре ему удалось убедить окружающих в том, что русские относятся к нему с уважением. «Смотрите, – говорил он русским солдатам, которые его охраняли, – сам Долгоруков признал меня царем, он поселил меня выше себя, на втором этаже, а сам поселился внизу». Как только русские погрузились на корабли, Степан снова захватил власть в свои руки. Однако осенью 1770 года рядом с ним взорвался заряд пороха, в результате он был изувечен и потерял зрение. Полуживого Степана доставили в монастырь Брчели, где ему суждено было провести последние два года своей жизни. Даже в таком состоянии он по-прежнему сохранял былой авторитет, поэтому к нему нередко приезжали за советом старшины.

Турки и венецианцы продолжали считать Степана опасной личностью, поэтому не переставали нанимать убийц. В октябре 1773 года грек Станко Класомунья, поступивший к Степану на службу, был подкуплен скадарским пашой и в одну из ночей перерезал самозванцу горло. Так закончилась история самозванного черногорского правителя.

Тайна Иоанна XIII

Папа Римский Иоанн XIII правил в период с 1410 по 1415 год. Балтазар Косса (граф Беланте) получил столь высокий сан не сразу. Прежде ему было суждено пройти нелегкий и не всегда честный путь.

Балтазар Косса происходил из старинного обедневшего графского рода Беланте. Его старший брат, Гаспар, вследствие отсутствия денег у семьи вынужден был покинуть отчий дом и заняться пиратским промыслом.

Очень скоро на пиратском корабле Гаспара появился и Балтазар. В то время ему едва исполнилось тринадцать. Нужно сказать, что Балтазара ничуть не смущало недостойное его графского рода занятие. Напротив, его необычайно сильно привлекала романтика морей и возможность за короткий срок получить много денег.

Кроме того, он мог ежедневно выбирать себе для любовных утех любую из плененных пиратской командой девушек. Необходимо заметить, что до самой смерти Балтазар Косса, даже будучи уже Папой Римским, не мог отказаться ни от одной красавицы. С пиратской деятельностью было покончено, когда Балтазару исполнилось 20 лет. Мать юноши хотела видеть сына юристом, а потому Балтазар вскоре оказался в числе студентов юридического факультета Белонского университета. Однако не своими успехами в учебных дисциплинах снискал себе славу молодой Косса. Среди товарищей и преподавателей он был известен как легкомысленный повеса и франт, умеющий превосходно драться на шпагах и в одно мгновение покорять сердца юных дам.

Молодой Косса ни дня не мог прожить без приключения или авантюры. Самыми интересными для него были, конечно же, любовные истории. Так, например, Косса предпочитал уединенным свиданиям с замужними женщинами встречи, которые происходили недалеко от места нахождения супруга возлюбленной или кого-либо из ее ближайших родственников. Вероятность быть застигнутым в момент совершения «преступления» лишь прибавляла Коссе желания обладать женщиной.

Известна одна из историй, произошедших с будущим Папой Римским Иоанном XIII. Однажды поздним вечером Балтазар Косса возвращался домой после любовного свидания. Внезапно из-за угла соседнего дома показался человек, одетый в черный длинный плащ и черную широкополую шляпу, которая наполовину закрывала его лицо.

Как оказалось, это был наемный убийца. Однако, по-видимому, Косса родился под счастливой звездой. Едва только обидчик вытащил кинжал, Балтазар отскочил в сторону и смог выхватить нож, после чего взмахнул им, словно собираясь нанести удар. Испуганный и удивленный таким оборотом дела преступник бросился наутек.

Спустя некоторое время Балтазару Коссе удалось выяснить, что заказчиком убийства была одна из покинутых им недавно возлюбленных. Она хотела убить своего любовника и тем самым отомстить ему за нанесенную ей обиду.

В свою очередь возмущенный такой «несправедливостью» Косса не пожелал оставить в покое покинутую им любовницу. Желая покарать несчастную, он убил ее мужа. После этого он напал и на бывшую возлюбленную, нанеся ей тяжелым металлическим стилетом глубокие раны. На пронзительный крик женщины тотчас же сбежались все слуги. Однако им не удалось изловить обидчика. Едва только тот слышал топот ног бегущих, он молниеносно подбежал к окну и в следующую минуту уже был на улице.

Благополучно удрав от погони, Балтазар Косса вскоре оказался на одной из самых пустынных улиц города. Для того чтобы отдохнуть, ему необходимо было найти тихое, спокойное и надежное пристанище. Тогда он решил постучать в первый попавшийся на его пути

дом. На стук вышла прекрасная девушка, которая, увидев раненого юношу, в ту же секунду приказала своим слугам ввести его в комнаты.

Имя спасительницы кровавого мстителя было Яндра делла Скалла. В округе она славилась своим талантом предсказывать судьбу и излечивать от многих тяжелых болезней. Однако магией и алхимией она занималась втайне от официальных властей, поскольку в то время за это можно было поплатиться жизнью.

Балтазар долгое время жил в доме Яндры. Однако спустя несколько месяцев любовная идиллия была нарушена солдатами инквизиции, которые ворвались в комнату вещуньи. Самой хозяйке дома предъявили обвинение в колдовстве, а ее любовнику – в убийстве двух солдат.

После этого обвиняемых в сопровождении стражи проводили в тюрьму. А через некоторое время они предстали перед судом, который вынес довольно суровое решение: казнить арестованных через публичное сожжение на костре.

Напуганный таким оборотом дела Балтазар Косса решил во что бы то ни стало найти путь к спасению. Вскоре ему предоставилась возможность бежать из тюремной камеры. Однако его возлюбленная Яндра все еще оставалась в заключении. Тогда Косса решил обратиться за помощью к своему старшему брату, Гаспару.

Объединившись, братья смогли разработать план освобождения Яндры. Но для успешного развития событий им необходимо было штурмовать тюремные стены, а такое предприятие невозможно решить без надлежащей подготовки. Как только братьям предоставилась возможность, они не без помощи команды пиратов ворвались в тюрьму и освободили заключенных, в числе которых была и Яндра. А происходило это в феврале 1385 года.

В том же году Балтазар Косса возвратился к пиратскому ремеслу и занимался им в течение четырех лет. В одну из ночей на море разбушевался страшный шторм. Внезапно пиратский корабль накрыла огромная волна, которая, словно гигантская акула, поглотила судно и всех тех, кто находился на его борту.

Из всех членов пиратской команды спастись удалось только четверым. Среди них были Яндра и Балтазар. Воспользовавшись щепками разбитого корабля как спасательными кругами, выжившие пираты направились к берегу. Там их встретили местные жители. Однако, узнав в них пиратов, славившихся по всей округе своей жестокостью и кровожадностью, они поспешили передать их в руки властей.

Но и на этот раз Балтазару Коссе удалось уйти от правосудия. Тогда его спас вмешавшийся в дело Папа Римский Урбан VI. Тот долгое время искал человека, которому бы он смог передать полномочия командира военного отряда. По его мнению, никто так не подходил для этой должности, как знаменитый своими морскими похождениями пират Балтазар Косса.

Итак, Папа Римский Урбан VI пришел в камеру к известному пирату с предложением принять командование войском. В обмен на это глава католической церкви пообещал, что никто из пойманных преступников не будет казнен.

Делать нечего. Балтазар Косса согласился стать военачальником, а затем прибавил, что готов, если это необходимо, принять монашеский сан. Нужно сказать, он был достаточно ревностным хранителем покоя папы. За время его службы командиром папского войска все враги Урбана VI оказались уничтоженными. Таким образом известный авантюрист надеялся завоевать его доверие и благорасположение.

Дружбу Урбана VI и пирата Балтазара Коссы прервала смерть папы. Вскоре его место занял другой служитель католической церкви по имени Бонифаций XI (Петр Томачелли). Он вовремя разгадал мошеннический характер Балтазара Коссы и отвел ему новую роль при священном дворе.

Именно во время вступления в священный сан Петра Томачелли Косса был назначен архидиаконом ватиканского собора Святого Евстафия. А затем бывший пират получил и сан кардинала. Тогда ему было 37 лет.

На первый взгляд, читая о столь головокружительной карьере Коссы, у читателя может создаться впечатление, будто бы герой действительно встал на путь исправления и помышлял о рае небесном. Однако все было вовсе не так. Получение сана кардинала оказалось для бывшего пирата не чем иным, как еще одним шансом наслаждаться всеми благами земной жизни. Его современники не раз описывали в своих заметках богатые пиры, роскошные одежды и комфортабельные залы дворца нового кардинала.

До наших дней сохранилась одна из подобных записей. А принадлежит она перу иноземного гостя Дитриха фон Нима, который прибыл в Ватикан с визитом. Он писал: «Неслыханные, ни с чем не сравнимые дела творил Балтазар Косса во время своего пребывания в Риме. Здесь было все: разврат, кровосмешение, измены, насилия и другие гнусные виды греха, против которых обращен был когда-то гнев Божий. Только в Болонье Коссе удалось совратить более двухсот женщин. Он поехал туда по поручению папы для решения различных вопросов, касающихся церкви и политики, но не забыл при этом своих любовных дел. Любовницами его были замужние женщины, вдовы, девушки и даже монашки, жившие в монастыре. Некоторые из них любили его и по доброй воле становились его любовницами, но некоторые были грубо изнасилованы в монастырях». Вот таким был герой представленного читателям рассказа, «благочестивый» кардинал Балтазар Косса.

В ноябре 1406 года кардинал Балтазар Косса на время покинул свою резиденцию, находившуюся в Риме. Тогда же к нему пришло печальное для всех католиков известие о том, что смерть настигла папу Иннокентия VII, который пришел на смену умершему Бонифацию XI и правил католической церковью в течение недолгих двух лет.

С помощью Балтазара Коссы на священном престоле оказался Григорий XII. Долгое время папа находился в зависимости от своего попечителя. Однако наступил тот день, когда Григорий пожелал освободиться от этой зависимости, что, естественно, вызвало недовольство со стороны Коссы.

Балтазар Косса

Спустя недолгие годы вражды и распрей папа Григорий XII издал приказ о том, чтобы лишить Коссу звания кардинала и прав легата. Однако нерастерявшийся экс-кардинал объявил о том, что только он один является полноправным хозяином земель, которыми до поры он управлял от имени главы католической церкви. При этом Косса заручился поддержкой со стороны влиятельных священнослужителей и владык крупных государств.

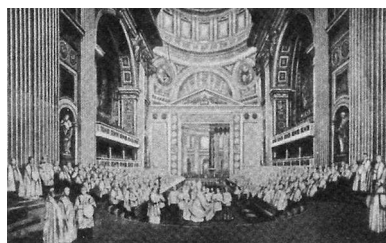
В июне 1409 года в Пизе состоялась встреча 24 кардиналов, которые должны были рассмотреть и решить конфликт, возникший между двумя священнослужителями, папой Григорием XII и папой Бенедиктом XIII, возглавлявшим католическую церковь в Авиньоне. Многие участники того собора выступили за низложение пап и избрание нового. Единственно достойным, по их мнению, претендентом являлся в то время многоуважаемый Балтазар Косса.

После этого Балтазар Косса выразил свою признательность всем собравшимся за особое доверие, однако принять сан Папы Римского отказался напрочь. В качестве своего ставленника он предложил некоего Петра Филарга, который впоследствии стал известен под именем Александра V.

Папа Римский Александр V пробыл в новом назначении сравнительно недолго. Менее чем через год он скоропостижно умер, а его место под именем Иоанна XIII занял Балтазар Косса.

Заветная мечта бывшего пирата наконец сбылась. Заняв папское кресло, Иоанн XIII занялся прежде всего пополнением казны, которая к тому времени значительно оскудела. Так, были введены индульгенции на отпущение грехов.

Именно во время правления Иоанна XIII католики получили возможность откупиться от совершенных ими провинностей и даже преступлений. Так, например, для того чтобы получить прощение папы за убийство супруги, виновный должен был заплатить два дуката, а за совершенное прелюбодеяние платили восемь дукатов.

Очередной церковный собор, возглавляемый папой Иоанном XIII, состоялся 16 ноября 1414 года. Тогда в нем приняли участие 150 священнослужителей, приехавших из разных европейских стран. К тому времени для многих из собравшихся не являлись секретом авантюры бывшего пирата, который смог добиться высокого церковного сана. Было решено заставить Коссу отказаться от папского кресла.

Однако прозорливый Иоанн XIII, осознавая свое шаткое положение, поспешил удалиться из города накануне собора. Он направился напрямик во дворец герцога Фридриха Австрийского. После этого он отправил послание императору Сигизмунду, в котором извещал владыку о своем бегстве и нежелании участвовать в соборе. Тем самым авантюрист надеялся на то, что собор не состоится. Однако точно в назначенный день собор начал свою работу.

Взбешенный письмом Иоанна XIII император Сигизмунд собрал свое войско и пошел войной на землю Фридриха Австрийского. Очень скоро резиденция герцога, город Шафхаузен, оказалась полностью окруженной солдатами Сигизмунда. Сам хозяин города и его гость, достопочтенный папа Иоанн XIII, разумеется, не стали ждать, когда замок окажется в руках врага. Они поспешно покинули город, жители которого сдались на милость победителя, так и не приняв бой.

Спустя некоторое время, 17 мая 1415 года, Иоанн XIII был пойман солдатами Сигизмунда во Фрибурге. Состоявшийся вскоре суд лишил его звания и всех привилегий священнослужителя, после чего арестованный папа был препровожден в Готлебенскую крепость, где его поместили в одиночную камеру. Через несколько месяцев Иоанна XIII перевели в другую, не менее мрачную тюрьму, которая располагалась в городке Мангейм.

Однако такой хитрый и умный человек, каковым был бывший пират и Папа Римский Иоанн XIII, не мог долгое время находиться в бездействии. Вскоре ему удалось подкупить (не без помощи одной из своих многочисленных бывших любовниц) тюремных стражников

и выбраться на свободу. Освобождение Балтазара Коссы стоило ему самому тогда 38 000 флоринов золотом.

Выбравшись из мангеймской тюрьмы, Балтазар Косса направился в Бургундию, а оттуда переехал в Савойю. Однако и там он пробыл недолго, решив, наконец, поселиться в тихой и благопристойной Италии.

Прибыв в маленький итальянский городок, он первым делом пишет письмо, адресованное новому Папе Римскому, Мартину V. Балтазар Косса обращается к папе с просьбой простить его за содеянные когда-то, «в пору незрелой молодости», грехи. В свою очередь он обещал никогда впредь не предъявлять претензий на папский престол.

По-видимому, Мартин V был человеком добрым и мягким. Он не только простил Коссе все его грехи, но и возвел того в сан кардинала.

Удовлетворенный таким стечением обстоятельств Косса поселился в подаренном ему замке, находившемся во Флоренции. Там он и умер 22 декабря 1419 года. Ему были устроены пышные похороны. И спустя некоторое время владыка Флоренции Козимо I Медичи заказал Донато ди Николо ди Бетто Барди (Донателло) изготовить над могилой Балтазара Коссы часовню.

Тимофей Анкудинов, первый космополит

Нередко Тимофея Демидовича Анкудинова называют первым космополитом, вкладывая при этом в последнее слово определенный смысл. Дело в том, что Анкудинов еще в XVII веке прославился как особенно талантливый... мошенник, который с успехом проворачивал всяческие авантюрные сделки и махинации не только на территории России, но и далеко за ее пределами.

Во время совершения своих мошенничеств Анкудинов, естественно, называл себя вымышленными именами. Одним из наиболее известных «деловых» псевдонимов авантюриста стало имя Иван Васильевич. Это имя и отчество мошенник выбрал вовсе не случайно. Дело в том, что он любил выдавать себя за близкого родственника Василия Шуйского.

Известность Тимофея Анкудинова в XVII столетии была довольно большой. Некоторые считают, что именно он стал прототипом героя книги братьев Стругацких «Хромая судьба» Константина Кудинова. В настоящее время это единственное свидетельство того, что когда-то давно существовал человек, мошеннический талант которого превосходил все мыслимые представления об этом ремесле.

Известно, что Тимофей Демидович Анкудинов родился в 1617 году. Отец его достаточно успешно вел торговлю в Вологде. По достижении определенного возраста Тимофей был отдан отцом на обучение вологодскому архиерею Варлааму (по другим источникам, Нектарию).

Именно при дворе архиерея Тимофей впервые встретился с Авдотьей, внучкой Варлаама, к которой воспылал любовью. Спустя некоторое время Тимофей и Авдотья были обвенчаны. Их брак оказался как нельзя кстати Варлааму, поскольку тот хотел, чтобы Тимофей навсегда остался при его дворе.

К тому времени веселый и бойкий Тимофей Анкудинов снискал себе славу удачливого человека, к которому деньги текли рекой.

Предметом зависти многих горожан был красивый высокий дом Анкудинова. Да и его красавица жена, проходя по улице, заставляла оборачиваться прохожих.

Однако, как известно, все хорошее когда-нибудь заканчивается. После смерти старого Варлаама архиерейство принял другой священнослужитель. Для него Тимофей был не более чем пустым местом. А потому очень скоро его выпроводили со двора.

Нужно сказать, что Тимофей Анкудинов недолго горевал по поводу смерти Варлаама. За короткий срок ему удалось спустить все состояние, принесенное женой в качестве приданого. А местные жители стали судачить о том, что слишком много времени он проводил в кабаках да иных питейных заведениях в компании девушек и молодых людей, имеющих сомнительную репутацию.

Вскоре Тимофею Анкудинову с его разгульным и веселым нравом стены родного города стали казаться слишком тесными. А потому он решил перебраться в Москву.

Бегство Анкудинова стало причиной развала семьи. Покинутая им жена осталась одна в горе и печали. Родители проклинали неразумного сына, который отправился в царь-град на поиски счастья и лучшей жизни. Для того чтобы замолить грехи сына, мать вскоре приняла постриг и стала жить в монастыре. А отец Тимофея, не выдержав позора, скончался от сердечного приступа.

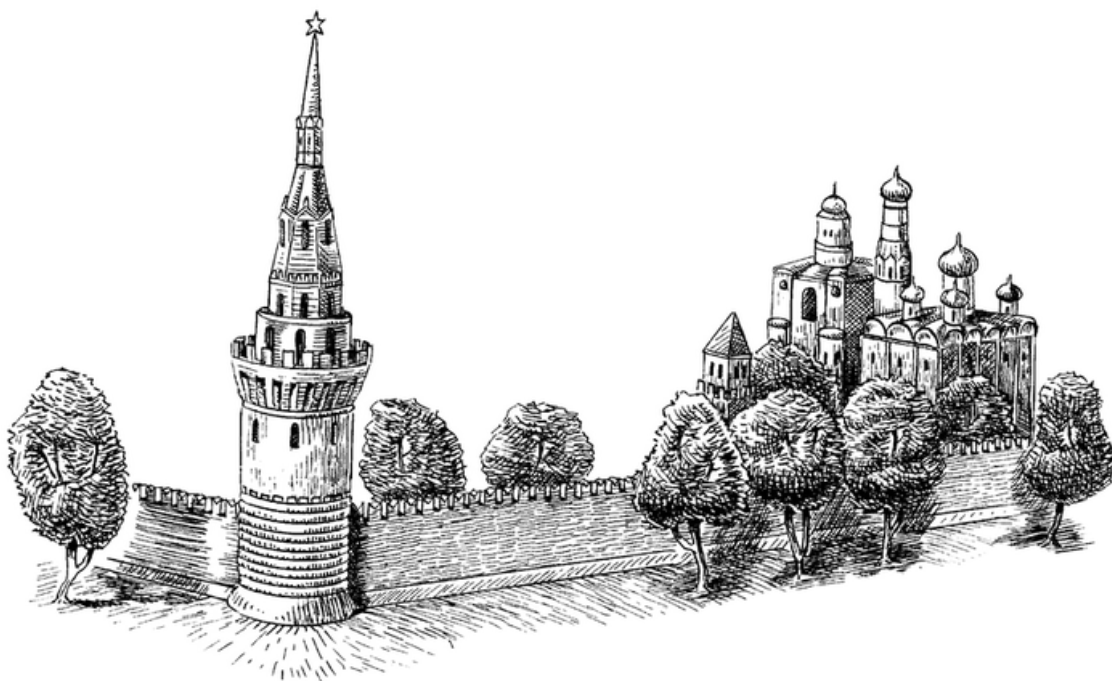
В Москве Тимофей Анкудинов стал подьячим и, кроме того, занимался сочинительством стихов. По воспоминаниям современников, его считали довольно хорошим и талантливым поэтом. В то время он работал в так называемой приказной школе, которая славилась своими стихотворцами.

Несмотря на столь счастливое стечение обстоятельств, спокойная жизнь, по-видимому, была не по сердцу Анкудинову. Те деньги, что он привез из родного города, очень скоро оказались растраченными в кабаках. Кроме того, в то время Анкудинов был замечен и в нескольких служебных провинностях, а также наделал немало долгов.

Куда же было деваться мелкому мошеннику? Он нашел выход из создавшегося положения. Вскоре Тимофей Анкудинов возвратился в родной город, где помирился с женой.

Спустя некоторое время он вновь отправился в столицу и стал работать писцом. И опять благодаря своему веселому и открытому характеру он очень скоро обрел множество друзей и зарекомендовал себя как хороший работник и благодушный человек.

Через год после того, как Анкудинов вторично прибыл в Москву, его назначили сборщиком налогов. Все вернулось на круги своя. У Анкудинова появился большой красивый дом, материальный достаток, успех на службе. В то же время в семье Анкудиновых появился малыш, которого нарекли Сергеем.

Однако благоразумие недолго властвовало над душой Анкудинова, которому, казалось, природой был дан мошеннический талант. Очень скоро единственной радостью в жизни для Тимофея становятся кабаки, разгул, водка и пьяная компания.

Тогда же сборщика налогов Анкудинова уличили в том, что он транжирит не только собственные, но и казенные деньги. Нужно сказать, те времена были суровыми. За расхищение государственного имущества и тем более денег человек мог поплатиться не только тем, что он имел, но и своим здоровьем. Нередко за такие проделки мошеннику попросту отрубали руку.

Но Анкудинов никогда не думал о возможной расплате за совершенные преступления. Тем временем он запутывался в своих долгах все больше и больше. Именно тогда и состоялась проверка государственной казны.

Однако даже ревизия не смогла унять мошенника, любившего сладко попить и вкусно поесть за государственный счет. Но к чести авантюриста нужно сказать, что не только казна пострадала от его желания легко разбогатеть. Долгое время он брал драгоценности «в долг» у своего кума, обещая в скором будущем вернуть все «до копейки».

К тому времени запутавшийся в долгах Тимофей Анкудинов уже почти не жил с семьей и редко появлялся на службе. Пристанищем для него стали грязные кабаки и ночлежки. Наконец ему пришла мысль о том, чтобы покинуть Россию и за ее пределами попытаться найти свое затерявшееся счастье и легкую наживу. Из сохранившихся исторических источников стало известно, что он выехал из родной страны в 1643 году.

Однако, прежде чем отправиться в путешествие, Тимофей Анкудинов замыслил страшное: он пожелал избавиться от вечно причитавшей, плакавшей и знавшей о его мошеннических проделках жены Авдотьи. Поздно вечером он вынес из дома своего сына и передал его на воспитание куму.

После этого Анкудинов запер все двери дома и поджег его вместе с женой. После того страшного пожара от всей улицы осталось только лишь несколько домов. Дом самого злоумышленника сгорел дотла. Местные жители подумали тогда о том, что вся семья Анкудинова и сам хозяин погибли в огне.

Но, как оказалось, Анкудинову предстояло еще жить долгие годы. Встретив в назначенном месте своего сообщника, Анкудинов направился к российско-польской границе. Для того чтобы хватило средств на дорогу в Польшу, мошенники выкрали у проезжавшего мимо немецкого купца Миклафа деньги и драгоценности.

Миклафу удалось достичь Москвы и рассказать жителям о том бесчинстве, которое учинили Анкудинов и его сообщник. Только тогда москвичи поняли, что мошенник не сгорел в пожаре, а здравствует, не переставая заниматься грабежом и обманом.

Едва только Анкудинов достиг Польши, он отправился ко двору короля, где представился как сын Василия Шуйского, вынужденный тайно бежать из России. С того времени Анкудинов жил при дворе короля в Варшаве. Он смог добиться необычайного благорасположения польского короля Владислава, тем самым обеспечив себе безбедную и спокойную жизнь.

Не нужно думать о том, что король Владислав был настолько глуп, что поверил рассказам Анкудинова. Однако политическая ситуация в то время была таковой, что подобное положение вещей вполне устраивало польского монарха. Он не изгнал со двора русского самозванца даже после того, как приехавшие с визитом московские купцы рассказали историю о том, как была разграблена государственная казна и оказалась сожженной целая улица.

Однако все шло своим чередом. Вскоре король Владислав умер, а трон занял другой человек, не пожелавший видеть при дворе авантюриста, бежавшего из России от справедливого наказания. Но и на этот раз Анкудинову удалось, что называется, выйти сухим из воды. Он поспешил покинуть Польшу. По дороге из Польши Анкудинову пришла в голову мысль отправиться на Украину. Там он встретил Богдана Хмельницкого, с которым очень быстро сблизился и стал правой рукой мятежника. Не раз Анкудинов присутствовал на встречах Хмельницкого с послами, прибывшими из разных стран мира.

Однажды к украинскому разбойнику прибыли послы из России. Многие из них лично знали Анкудинова. А потому, увидев его сидящим около Хмельницкого, очень удивились. Собравшись вечером в отведенных им комнатах, они решили рассказать обо всем Богдану Хмельницкому. Но не успели...

Поняв, что может быть разоблачен, Тимофей Анкудинов в тот же вечер поспешил покинуть своего благодетеля и бежать в стан хана Девлет-Гирея, который благожелательно отнесся к прибытию русского.

Действительно, отношение к Анкудинову при дворе восточного хана было очень хорошим. Дабы уверить всех окружающих в своем рвении служить хану, Анкудинов решил принять мусульманство. Нужно сказать о том, что это была уже третья по счету религия, которую принимал русский мошенник.

Затем вместе с караваном Девлет-Гирея Анкудинов прибыл ко двору турецкого султана. Авантюрист смог быстро расположить к себе султана, который оставил его при своем дворе.

Однажды, сильно напившись, Анкудинов решил незаметно пробраться в гарем султана. Однако его план не удался. Он был пойман, что называется, с поличным и предан суровому суду. Каким-то чудом Анкудинову удалось избежать смерти и выбраться из глубокой ямы, в которую он был брошен по приказанию султана.

Убежав из Турции, Тимофей Анкудинов отправился в Швецию, поскольку считал эту страну наиболее удобной для поселения. В то время Швеция и Россия были враждовавшими государствами. Поэтому шансы Анкудинова остаться неузнанным значительно возросли.

В Швеции Анкудинов жил под именем Ягана Синельсена и так же, как и в других странах, смог добиться благорасположения к себе достаточно высокопоставленных особ. В Швеции он близко сошелся с королевой Кристиной и канцлером Оксеншерном. По-видимому, столь быстро войти в доверие к влиятельным лицам Швеции ему помогло то обстоятельство, что он принял государственную веру – протестантизм. Более того, успешному продвижению его «карьеры» способствовала и выдача себя в качестве сына Василия Шуйского, которого незаконно и несправедливо изгнали с родины.

Известная русская пословица гласит: «Сколько веревочке ни виться – конец близок». Очень скоро закончилась и легкая жизнь Анкудинова в Швеции. В страну с визитом прибыли русские послы. Они, конечно, сразу же узнали известного мошенника и рассказали обо всех его «подвигах» королеве Кристине. Разгневанная королева отдала приказание поймать авантюриста и посадить его в клетку. Но сколько ни искали шведские солдаты обманщика, найти его им не удалось.

В то время пока во дворце шведской королевы кипели страсти, Анкудинов был уже далеко. После бегства из Швеции он решил отправиться в Эстонию. Именно там его и изловили эстонские солдаты, получившие соответствующий приказ от самой королевы Кристины. Но русский мошенник, видимо, действительно был рожден под счастливой звездой. На следующий день после заточения ему удалось бежать из тюремной камеры.

Несколько лет прожив в Европе, Анкудинов вернулся в Россию. Он часто менял места жительства из опасения, что его удастся разыскать агентам московского правительства. Однако он не жил тихо, а жизнь его нельзя было назвать скучной.

Так, например, находясь в Новгороде и Пскове, Анкудинов организовывал народные мятежи. Но все его начинания, казалось, были обречены на провал. Единственным свидетельством того, как проводил мошенник те годы, стали его вирши, написанные в бунтарском духе и обличавшие политику русского царя и его приближенных.

Находясь в России, Анкудинов все время жил в постоянном страхе, боясь в любую минуту оказаться за решеткой. Тогда он вновь решил покинуть родину и опять пустился в странствие.

Спустя некоторое время русские купцы увидели его в Кёнигсберге, а еще через несколько месяцев – в Брабанте. Известно, что в Брабанте Анкудинов близко познакомился с императором Леопольдом I и Габсбургом.

Вскоре Анкудинов оказался в голштинском городке Нойштадте. На одной из улиц его случайно увидел когда-то давно обокраденный русским мошенником немецкий торговец Миклаф. В тот же день Анкудинова взяли под арест, после чего предали суду.

В 1653 году герцог Фридрих решил передать преступника России. При этом Анкудинов обошелся русскому правительству в 100 000 червонцев. В то время это была баснословная сумма денег, в которых так нуждалось герцогство Фридриха.

Тимофей Анкудинов был помещен в крепость, а затем перевезен в Россию.

Сопровождал его тогда обманутый им кум Шпилькин. Дважды в дороге Анкудинов хотел свести счеты с жизнью. Но оба раза его вытаскивали из петли и таким образом в целости и сохранности привезли в Москву.

На суде Анкудинов не переставал уверять всех, что он является сыном Василия Шуйского. Против него выступили многие свидетели и жертвы его афер. Наконец терпение царя было исчерпано и, не желая более слушать рассказы подсудимого, он приказал казнить его.

Казнь знаменитого авантюриста состоялась в 1654 году. Он был четвертован, как и требовали государственные законы того времени.

Часть 2

Аферы фальшивомонетчиков

Фальшивомонетничество, возможно, появилось одновременно с выпуском первых бумажных купюр и ценных бумаг. Но только с развитием техники мошенники смогли по-настоящему развить свое производство и, нужно признать, достигли на этом поприще немалых высот. Однако прогресс не стоит на месте. Фальшивомонетчики конца XX века пользуются для изготовления поддельных купюр уже не краской и примитивным полиграфическим станком, а дорогостоящей копировальной техникой. При этом изобретается масса самых разных способов нанесения на обычный лист бумаги необходимых линий и даже водяных знаков. Искусство изготовления фальшивых денег сейчас достигло таких высот, что не каждый человек сможет невооруженным глазом определить, поддельная ли перед ним купюра или настоящая. В таких случаях на выручку человеку приходит все та же техника, которая и помогает установить подлинность бумаги.

Фальшивомонетки античности

На одной из вилл в античном полисе Дима была обнаружена плита из белого мрамора, уложенная в основание лестницы. Лишь в конце XIX века археологи заинтересовались древней надписью, выгравированной по краю этой плиты. Время не пощадило содержащихся в ней слов, и они наполовину стерлись. Но ученым все же удалось восстановить содержание текста. Материалы, посвященные этой теме, в 1878 году опубликовал один из археологических журналов.

Полис Дима расположен на северо-западе Пелопоннесского залива. В стародавние времена он был крупным центром земледелия и цветущим портовым городом. Он принадлежал к Ахейскому союзу, образованному четырьмя городами-государствами и существовавшему с 280 по 146 год до н. э. Это была военно-политическая коалиция, противостоявшая македонским притязаниям на господство в регионе.

Полустертая временем надпись повествует о смертном приговоре шести фальшивомонетчикам. Она гласит: «Жрец Филоклес, писец Дамокритос и первый советник Клеон от имени города приговорили к смерти: Дракиона, он же Анти (...) или как бы он еще себя ни называл, далее... (...) тиса, кузнеца по золоту; затем (...) аниоса, он же Панталеион и как бы он еще себя ни называл, и, наконец, Мошолоаса за то, что они посягнули на священное имущество и чеканили медные деньги.

При первом советнике Дамофанесе (осуждены за те же преступления) сын Дромаса (...) иллас и при первом советнике Филеасе сын Олимпиона (...) ас».

Доподлинно неизвестно, кто и когда впервые обратил внимание на белую мраморную плиту, лежавшую среди развалин Димы. Невозможно также прочитать и имена фальшивомонетчиков, так же как и определить точную дату надписи, поскольку письменные памятники Древней Греции, относящиеся к описываемой эпохе, датировались довольно своеобразно: точкой отсчета могли стать годы жизни какого-либо государственного писца союза, верховного жреца или время правления главы города.

Мраморную плиту с надписью сначала, по всей вероятности, устанавливали на какой-нибудь рыночной площади Димы. Судя по количеству приговоренных и по периодичности появления на плите надписей, которые разделяет примерно полгода, поскольку первый советник городского совета переизбирался по прошествии именно такого промежутка времени, фальшивомонетничество тогда было весьма распространенным ремеслом. Пункт обвинения, в котором говорится, что кузнец по золоту и его соучастники посягнули на священное, может обозначать только одно: злоумышленники похитили медь из храма. Хотя можно найти и другое объяснение этой фразе: жрец храма мог одновременно являться и первым лицом в официальной чеканке монет, и храм извлекал из этого определенную пользу. Значит, фальшивомонетки посягнули на доходы храма.

Документы, подобные найденной в Диме мраморной плите, встречаются очень редко. В древнегреческих полисах принято было записывать приговор на камне, который выставлялся на всеобщее обозрение лишь в тех случаях, когда преступнику удавалось ускользнуть от правосудия. Подобные плиты были своеобразным объявлением о розыске. С другой стороны, в странах, входивших в Ахейский союз, выпускались единые монеты. Так что их подделка, независимо от того, где совершалось это злодеяние, так или иначе касалась всего союза и обязывала каждый город открыто осуждать подобного рода преступления.

Мраморная плита из Димы является едва ли не самым древним официальным свидетельством, подтверждающим факт существования фальшивомонетничества и его наказуемости во времена античности. И хотя о монетных мошенниках древности практически не сохранилось никаких сведений, изделия, изготовленные их руками, дошли до наших дней.

Однако и здесь существует одно но: они могли быть изготовлены «по высочайшему повелению».

Как бы парадоксально это ни выглядело, Диоген Синопский (412–323 годы до н. э.), который ограничивал себя во всем и, согласно легенде, жил в бочке, по утверждению лиц осведомленных, был фальшивомонетчиком. По крайней мере, об этом повествует не менее известный Диоген Лаэртский в своем труде «Жизнь и мнения прославленных философов», написанном около 220 года до н. э. Легенда гласит о том, что отец Диогена Синопского был ростовщиком и менялой в портовом городе Синопе, располагавшемся на южном побережье Черного моря. Он и приобщил своего сына к изготовлению легких монет.

Случаев подобного мошенничества история знает немало. Так, уже через несколько лет после того, как в малоазиатском царстве Лидия из сплава золота (40 %) и серебра (60 %) начали чеканить первые монеты, а произошло это в VII веке до н. э., было произведено умышленное снижение содержания в них золота. Номинальная же их стоимость осталась на прежнем уровне. О причинах содеянного мы, ныне живущие, можем лишь догадываться. Вероятно, города, которым приходилось выплачивать немалую дань правителю, весьма быстро усвоили ту простую истину, что ухудшение состава сплава позволяет сэкономить довольно внушительную сумму денег.

Дабы затруднить осуществление подобного мошенничества, король Крѐз, правивший с 560 по 547 год до н. э., чье имя благодаря его бесчисленным богатствам стало нарицательным, издал указ чеканить золотые и серебряные монеты отдельно. Более того, он утвердил собственную монополию на чеканку монет.

После завоевания Лидии персами, присвоившими себе все богатства Крѐза, королевское право на чеканку монет на несколько десятилетий было прервано. Персидским владыкам, Киру и Камбису, не было необходимости использовать деньги в качестве всеобщего платежного средства, поскольку к тому времени им не удалось еще установить тесного контакта с Грецией. Первым из персидских царей, при котором началась чеканка монет, стал Дарий, правивший в 522–486 годах до н. э. Эти деньги впоследствии получили название дариков.

Однако начало денежного хозяйства связано не только с изобретением монеты. До того как в обращение были введены деньги, их роль выполняли предметы повседневного обихода и скот. С конца III тысячелетия до н. э. в Месопотамии в качестве денег начали использовать серебро в форме тщательно взвешенных кусков, слитков, на которых позднее стали делать оттиски. Подделка денег в таких условиях была невозможна, однако обманывать все-таки удавалось посредством неправильного взвешивания серебряных слитков.

В VI веке до н. э. монетное хозяйство восприняли греки и персы, причем каждая местность в Греции чеканила свои монеты. Но самыми распространенными были деньги, выпускавшиеся в Аттике. Их использовали не только в греческих полисах, но и за их пределами.

Греческий политик и поэт Солон (640–560 годы до н. э.) известен как мудрый законодатель. В 594 году до н. э. он получил полномочия на преодоление экономического и политического кризиса Афинского государства. Одной из мер, которые он предпринял для достижения поставленной цели, было введение в Афинах аттийских денег, или, как их называли, эвбейских монет. Эта мера способствовала тому, что афинские купцы заняли ведущую позицию в мировой торговле того времени. Чтобы сохранить такую позицию, законы Солона требовали смертной казни обличенных в фальшивомонетничестве мошенников.

Поскольку государство обладало монополией на чеканку монет, законы Солона и всех последующих правителей подчинялись принципу: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». То, что под страхом смерти запрещалось простым гражданам, власть предержащим служило важным средством пополнения государственной казны, финансирования войн и т. п. Фальсификация денег нередко приводила к массовому обнищанию, поэтому

народ относился к подобным операциям, предпринимаемым правителями, осуждающе. Но от этого, к сожалению, зависело немногое.

Нередко фальшивомонетчики прибегали к так называемому наполнению монет, то есть ядра монет, отлитые из менее ценного, чем оболочка, или даже недрагоценного металла, покрывались тонким слоем золота или серебра. Такой способ фальсификации денег известен с незапамятных времен. Так, наполненные монеты археологи обнаружили среди монет Коринфа, датированных VI веком до н. э., впервые в истории денежного хозяйства имевшие двустороннюю чеканку. Поэтому нередко незадачливый нумизмат под видом настоящей античной монеты за баснословные суммы приобретает подделку – так называемый суб-аэрат. Этот термин был введен в обиход во времена античности и употреблялся в качестве определения для фальшивых монет. Наполненные монеты из Коринфа, коринфские статеры, весили 7,58 г, тогда как подлинный серебряный статер обычно имел вес, равный 8,7 г.

Кроме того, следует заметить, что в античные времена не существовало точных приборов для определения веса, поэтому нередко фальшивые монеты по весу соответствовали принятому для подлинников стандарту. Показательной в этом отношении является история одного швейцарского коллекционера, который в 1978 году приобрел серебряный статер из Тиры (ныне остров Санторин), датированный приблизительно 530 годом до н. э. Его вес в точности соответствовал эгинскому стандарту (от портового города Эгина), который равнялся 12–12,5 г. До середины V века до н. э. это был один из самых распространенных мастабов, использовавшихся для чеканки монет.

Со временем на приобретенной нумизматом монете проявились отчетливые следы окисления. Озадаченный владелец статера поспешил в реставрационный отдел швейцарского музея, где ему сообщили, что вместо настоящего серебряного статера он приобрел фальшивую медную монету, покрытую тонким слоем серебра.

У древнегреческого историка Геродота (484–425 годы до н. э.) можно найти сведения о Поликрате, который правил в Самосе в 538–522 годах до н. э. Отец истории повествует о том, что упомянутый правитель чеканил свинцовые монеты, покрытые сверху позолотой. Несмотря на то что данные сведения почерпнуты не из самых достоверных источников, тем не менее сам по себе факт довольно интересный.

Своим «золотом» Поликрат расплатился с лакедемонцами, окружившими Самос, после чего те сняли блокаду. При описании деяний этого властителя Геродот, соблюдая осторожность, ссылается на другие, не вполне определенные источники. Однако сведения о военной хитрости и легендарной удачливости Поликрата, которые были воспеты в одной из шиллеровских баллад, представляются весьма достоверными.

Кроме того, известно, что наполненные монеты выпускались афинскими мастерами чеканки после окончания Пелопоннесской войны (431–404 годы до н. э.), которая привела к полному упадку экономики Афин. В одном из своих сочинений древнегреческий комедиограф Аристофан (446–385 годы до н. э.) сравнивает судьбу Афин и их достойных граждан с судьбой «старой, полновзвучной» монеты, которую подменили «плохие медные, неблагозвучные» деньги.

Во времена Аристофана выпускались тетрадрахмы – древнегреческие серебряные монеты достоинством в 4 драхмы и весом 14–17 г. Технология изготовления наполненных тетрадрахм была до такой степени несовершенна, что тонкий слой серебра, покрывавший медную начинку, очень быстро изнашивался, обнажая настоящую сущность фальшивой монеты. Экземпляров подобных подделок до наших дней сохранилось очень мало. Один из них занимает достойное место среди экспонатов Британского музея Лондона.

Наполненные тетрадрахмы были изъяты из обращения в 393 году до н. э. О том, как это происходило, рассказывает в одной из своих комедий под названием «Женщины в народном собрании» все тот же Аристофан.

Однако необходимо отдать должное античным правителям, которые прибегали к выпуску фальшивых денег лишь во времена экономического кризиса, когда страна находилась на грани финансового краха. Вместе с тем властители отдавали себе отчет в том, что выпуск фальшивых денег в течение длительного времени не приведет к положительному результату, поскольку их нельзя использовать для обмена товарами с другими государствами.

Фальшивые монеты античности в большинстве своем имели частное происхождение. От настоящих они отличались как качеством нанесенного изображения, так и выгравированными на поверхности надписями. Но с уверенностью утверждать, что данная монета фальшивая, все же невозможно, поскольку зачастую отклонения в штемпелях встречались и на монетах государственной чеканки. Кроме того, следует учитывать тот факт, что античные монеты отличались огромным разнообразием. Они не только выступали в качестве средства платежа, но с V века до н. э., и в особенности в период расцвета рабовладельческого Римского государства, начали выполнять функцию своеобразной газеты, которая могла сообщить о важнейших событиях, происходивших в том или ином государстве, содержала различные призывы и т. п.

В эпоху античности выпуск новых монет осуществлялся довольно часто, старые обычно поступали в переплав, поэтому до наших дней сохранились лишь немногие экземпляры. В том случае, если содержание золота в них отличалось от принятых в эпоху обращения этих монет норм или они оказывались настоящими субэвратами, никто не решался утверждать, кто был изготовителем этих фальшивых монет: государство или частное лицо.

Частным промыслом в производстве подделок занимались, по всей вероятности, люди, причастные к чеканке монет. Такое положение сохранялось на протяжении всей эпохи существования монетного хозяйства. Конечно же, лучше всех владели техникой легирования металлов и изготовления штампов мастера-чеканщики. Более того, они имели возможность поставить на фальсифицированные монеты государственные штампы.

Дать адекватную оценку изготовлению фальшивых денег в эпоху античности практически невозможно. Особенно широкие масштабы приобрело производство субэвратных монет. Технологию их изготовления античные мастера держали в тайне, поэтому до наших дней во всех подробностях она не дошла. Однако в общих деталях ученым все же удалось установить последовательность наполнения монет. Заготовками для них в Риме служили медные пластины, а в Греции – медные шары. Сначала все стороны заготовки подвергались тщательной обработке. Затем она плотно обтекалась тонким слоем серебра и в специальном

сосуде подогревалась до температуры плавления этого металла, которая составляет 960°C . Поскольку точка плавления меди лишь ненамного выше – 1083°C , верхний ее слой также становился мягким и вступал в сплав с серебряной фольгой. Этот сплав сохранялся и при последующей чеканке. По тому же принципу наполнялись и золотые монеты.

Таким образом, фальшивомонетчик присваивал себе довольно внушительную прибыль. Для того чтобы изготовить один субаэратный денарий, требовалось всего лишь 0,45 г серебра, иначе говоря, из одного полновесного денария можно было сделать 10, а чуть позже – 8 субаэратных монет. Если исходить из соотношения цен, которое сложилось в последние годы существования Римской республики и в первые два столетия империи, один денарий представлял собой довольно внушительную сумму денег. Так, например, в I веке н. э. легионер получал 225 денариев в год.

Фальшивые деньги Вечного города

В Риме денежное хозяйство начало развиваться относительно поздно – около 290 года до н. э. Первой римской городской монетой стал асс – медная монета, которая весила один римский фунт, или 327,45 г. Впоследствии вес монеты уменьшился до 236 г, а с появлением серебряных монет – дидрахм, введенных в обращение с 235 года до н. э., вес асса достиг 13,64 г к 89 году до н. э.

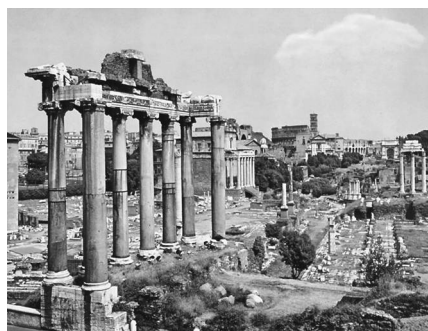
Серебряный денарий весом 4,55 г, содержащий 97–98 % серебра, поступил в обращение примерно в 213 году до н. э. Переменчивая судьба этой монеты в известной степени символична для римской истории. До настоящего времени динар является валютой многих арабских стран. В других европейских государствах – таких, как Франция, Венгрия и Италия, – он трансформировался в пфенниг, который пережил эпоху Средневековья.

Чеканка золотых монет достоинством в 60, 40 и 20 ассов началась в Риме в 222–205 годах до н. э. При Юлии Цезаре основной золотой монетой стал аурей.

Во время 2-ой Пунической войны (218–201 годы до н. э.) в сражении при Каннах римские войска были наголову разбиты Ганнибалом, в результате чего в Риме началось что-то вроде всеобщей мобилизации. Сенат, будучи законодательным органом Римской республики, принял решение сократить содержание металла в дидрахмах (квадригат, 6,98 г золота) и ассах, которые к тому моменту весили 81,9 г. Эта чрезвычайная мера была направлена на то, чтобы максимально использовать находившийся в распоряжении казны монетный металл. Одновременно сенатом было принято постановление о сдаче гражданами золота, серебра и меди в аэзариум, то есть в государственное хранилище металлов, которое использовалось для чеканки монет. В частных руках могло оставаться не более одного фунта серебра и 5000 ассов.

Однако подобное уменьшение содержания ценных металлов в монетах еще не являлось прямым обманом, поскольку римлянам было известно, что крайне ослабленная войной республика вынуждена была превратить свои монеты в разновидность кредитных денег. Вместе с тем, как показали некоторые находки, в то время выпускались медные монеты достоинством в 20 ассов, покрытые позолотой.

После трех Пунических войн, в 146 году до н. э., в Римской республике были восстановлены прежние денежные соотношения. Однако вес монет изменился: у денария он теперь составлял 3,88 г, а у асса – 34,9 г. Предположительно в то же время изменилось соотношение между стоимостью золота и серебра. Золото стало дешевле, что способствовало уменьшению веса серебряных монет.

Завоевав Карфаген, римляне присвоили его богатства, в том числе склады драгоценных металлов и рудники Испании и Сардинии. В 180 году до н. э. только на рудниках Нового Карфагена (ныне Картахена в Испании) золото и серебро для Рима добывали 40 тыс. рабов.

Таким образом, критические периоды в истории Римской республики, а затем и Римской империи можно с большой точностью определять по состоянию монетной системы.

Первый серьезный кризис денежного хозяйства разразился в Риме в 122 году до н. э. На рынке в больших количествах появились субаэратные денарии. Дошло до того, что никто уже не мог сказать, какой же в действительности суммой денег он располагает. В сложившейся ситуации общей неуверенности начался рост цен, а для фальшивомонетчиков наступили поистине золотые времена, несмотря на то что их деятельность по-прежнему сурово наказывалась.

Вскоре началась так называемая союзническая война (91–89 годы до н. э.) между римлянами и италийцами, всегда считавшимися союзниками и оказывавшими военную помощь римлянам. Теперь италийцы требовали равных с римлянами прав или независимости. В связи с военной ситуацией римский сенат вновь издал указ о том, что каждый восьмой отчеканенный денарий должен быть субаэратным. После окончания войны, которая хотя и закончилась поражением италийцев, все же их уравнили в правах с римлянами, чеканка субаэратов была прекращена. В подтверждение этого по краю новых монет стали делать насечку. Такие зубчатые денарии, получившие название «серрат», пользовались большим доверием купцов, чем продолжавшие изготавливаться обычные полновесные монеты. Так, известный историк Рима Тацит (56–120 годы) в своем труде «Германия» свидетельствует о том, что среди германцев наибольшим предпочтением пользовались зубчатые монеты.

Тем не менее выпуск фальшивых денег продолжался. В 87 году до н. э., когда борьба между аристократической партией сената (оптиматами) и их противниками, выступавшими за реформы в целях спасения политической системы (популярами), достигла своего апогея, римское денежное хозяйство снова переживало тяжелый кризис. Строгий указ сената предписывал принимать любые деньги, которые запрещалось не то что взвешивать, но даже проверять на звук.

По свидетельству Цицерона (106–43 годы до н. э.), в 87 году до н. э. претор (председатель совета присяжных, одна из ступеней карьеры сенатора) Марий Грацидиан издал эдикт, учреждавший специальную государственную службу контроля за качеством монет. Согласно эдикту, каждый, кто будет уличен в том, что расплатился фальшивой монетой, подвергнется суровому наказанию.

Цицерон утверждает, что римляне с большим подъемом восприняли эдикт и выразили Марию благодарность, т. к. это постановление обязывало государство осуществить замену «плохих» денег на «хорошие». Однако этому процессу не суждено было осуществиться.

В республике продолжалась Гражданская война. В 83 году до н. э. вождь оптиматов, Корнелий Сулла, захватил Рим, где учинил кровавую расправу над своими противниками, в процессе которой было убито около 10 тыс. приверженцев популяров. Через четыре года, в 87 году до н. э., консул Гай Марий не менее жестоко обошелся со сторонниками оптиматов. От щедрого подарка, преподнесенного римлянам Гаем Грацидианом, то есть от закона, требующего стабильности монет, не осталось и следа.

Отныне, как и прежде, все деньги без исключения, отчеканенные в государственных монетных мастерских, должны были приниматься к платежу.

Пороки «красивого» короля

В 1285 году на французский престол под именем Филипп IV вззошел 17-летний юноша, в историю же ему суждено было войти под прозвищем Филипп Красивый.

Филипп являлся отпрыском древнего рода Капетингов, и успехи его предков на государственном поприще были весьма различного свойства. Его же самого целиком захватил честолюбивый замысел установить во Франции абсолютную власть и стать единственным полноправным вершителем мирских и духовных дел в этой стране. Однако обстоятельства этому отнюдь не благоприятствовали, так как для укрепления власти над королевскими территориями Филиппу нужны были деньги, а их-то как раз все время и не хватало. Желая как-то поправить финансовое положение, Филипп Красивый в 1292 году ввел всеобщее обложение налогами своих подданных, распространяющееся и на духовенство.

Филипп IV Красивый

Необходимо сказать, что данная мера была вызвана не только плачевным состоянием финансов двора, но и тем, что король Франции готовился к войне с англичанами за Аквитанию и Фландрию. Данная кампания обошлась Французскому государству очень дорого. Достаточно лишь отметить тот факт, что до подписания мирного договора, заключенного в 1303 году, в Аквитании дислоцировались французские войска, их содержание там стоило казне 2 млн. ливров – сумма по тем временам просто невообразимая. Расчеты тогда осуществлялись в ливрах, солях и денье. 12 денье равнялись 1 солю, а 20 солей – 1 ливру, кото-

рый представлял собой только счетную единицу, так как монеты достоинством в 1 ливр не было.

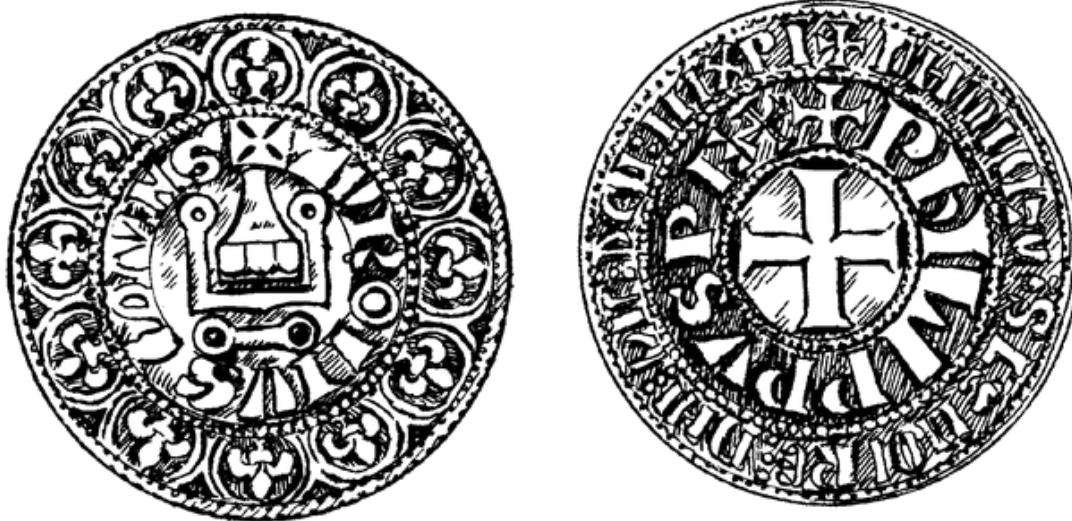
Документ, составленный примерно в 1296 году, дает возможность понять, из каких источников предполагалось изыскать средства для финансирования войны за Аквитанию и Фландрию: 225 тыс. ливров – налог на евреев, 200 тыс. – займы у ломбардцев, 630 тыс. – займы у зажиточных подданных, 50 тыс. – займы у прелатов и королевских служащих, 50 тыс. – доходы от «облегчения монет». Итого: 2 105 000 ливров.

Были ли деньги, указанные в данной бумаге, получены – неизвестно. Но зато историки знают, что в 1295 году Филипп Красивый уже обращался к внутренним займам и получил 632 тыс. ливров, последующие же его попытки подобного рода, очевидно, такого успеха уже не имели.

Однако в представленном читателю документе, бесспорно, обращает на себя внимание такая любопытная позиция, как доходы от «облегчения монет». Уже в 1239 году король имел доверительную беседу с весьма сведущим в денежных делах неким Мускиатто Гуиди о преимуществах и недостатках манипуляций с монетами. Мускиатто не советовал Филиппу пускаться в это рискованное предприятие, ибо последствия подобных действий для хозяйства отрицательны, доходы короны в конечном счете превращаются в потери. Но король не слишком разбирался в потребностях экономики страны. Его главный советник по монетным вопросам – Бэтен Косинель, который был главой парижского монетного двора, тоже не являлся знатоком в данном вопросе. Он мог подсчитать лишь прямой сиюминутный выигрыш короны от уменьшения содержания в монетах драгоценных металлов и к тому же был преданным слугой своего господина.

Короче говоря, Косинель, особо не задумываясь о последствиях, взялся за выполнение указания короля чеканить новую крупную французскую монету соль с номинальной стоимостью значительно выше прежней, бывшей в обращении, одновременно существенно снизив содержание в ней драгоценного металла.

Крупнейшая монета, бывшая в обращении в период пика махинаций – в 1305 году, имела нарицательную стоимость 36 денье вместо 12, что в конечном счете должно было вызвать соответствующий рост цен. Но, к счастью для короля, экономика страны на такие изменения отреагировала не слишком быстро, и потому Филипп Красивый смог посредством выпуска фальсифицированных и завышенных по сравнению с реальной стоимостью монет освободиться от трети своих долгов.

Тем временем во Франции нарастало социальное беспокойство, и, чтобы предупредить возникновение беспорядков, король поручил своим чиновникам разъяснять народу проводившуюся денежную политику как своего рода заем: как только прекратится война, ухудшенная и завышенная по сравнению с реальной стоимостью монета будет полноценно обменена на новые деньги.

Однако Филипп Красивый выполнил данное обещание по-своему. До 1306 года он пять раз изымал монеты из обращения, чтобы заменить их новыми, улучшенными, и восстановить прежнее состояние.

Указы, в соответствии с которыми все полновесные монеты, имевшие хождение в стране и вне ее, а также изделия из золота и серебра подлежали обмену на плохие королевские монеты, дополняли эти мероприятия Филиппа, который, кроме того, складывал в свой личный карман все доходы от военных трофеев.

Масштаб махинаций можно представить, ознакомившись со следующими данными. Доход королевской казны от денежных махинаций в 1296 году был обозначен цифрой 101 435 ливров, уже через два года он составил 1,2 млн. Причем Филиппу и его советникам и в голову не приходило увеличить жалованье своим подданным.

Но ни одно из предпринятых Филиппом Красивым неблагоприятных действий не пошло на пользу королевству. Отяжеленные деньгами кошельки баронов по-прежнему оставались недоступными для казны, так как налогообложение дворянства осуществлялось лишь в военное время, а в 1310 году Франция ни с кем не воевала. Тогда король решился на крайнюю меру – ухудшение золотых монет, которые до сих пор оставались неприкосновенными. Он распорядился с 22 января 1310 года вместо монет достоинством в 44 ливра чеканить из той же массы золота 55 ливров.

Через год французский венценосец предпринял последнюю попытку пополнить свою казну за счет махинаций с монетами. Здесь следует пояснить, что в те времена во Франции существовали две валютные системы: старая, парижская, и новая. Четыре старых ливра равнялись пяти новым. Филипп же объявил, что монета достоинством в 1 денье по новой системе обращения отныне имеет достоинство в 1 денье по парижской системе. Таким образом получалось, что теперь каждый француз должен был платить всюду на 20 % больше. Правда, разгоревшаяся вслед за реформой Филиппа буря протестов со стороны общественности заставила его пойти на попятную.

Неизвестно, что еще бы успел придумать король-аферист, но смерть унесла его в 1314 году. Филиппу IV не удалось реализовать главную цель своей жизни – объединение Франции под его абсолютным началом. Кроме того, все проекты этого короля, продолжавшие действовать и после его смерти, были преданы анафеме

Венценосный мошенник

Фридриха Великого потомки называли блестящим правителем. Когда он занял прусский трон в 1740 году, его считали не только образованным, открытым и терпимым, но и сказочно богатым.

Терпимость короля, правда, не простиралась дальше декретированной еще его прадедом свободы вероисповедания. Сказочное же богатство состояло из 8,7 млн. талеров и серебряных сокровищ берлинского замка, который сестра Фридриха Вильгельмине Фредерике Софи фон Байрейт оценила в 6 млн. тайлеров.

Спустя пять лет вся наличность прусского короля ушла на оплату тех нужд, которые неминуемо тянет за собой любая война, а войн за эти годы было две (Силезские: первая с 1740 по 1742 год, вторая с 1744 по 1745 год). Первоначальный капитал, необходимый для новой кампании, в которой Фридрих в союзе с Англией и некоторыми германскими государствами боролся за обладание Силезией и Саксонией против коалиции Австрии, Франции, России, Швеции и большинства германских княжеств, был оценен финансовыми экспертами Фридриха в 5,5 млн. талеров, в то время как налоги принесли в казну лишь 2,3 млн. талеров. Часть серебряных сокровищ отправили на переплав, что дало еще 1,5 млн. талеров. Оставалось собрать 1,5 млн. талеров, и этой суммы могло хватить только при условии быстрого окончания кампании.

Фридрих II Великий

Примечательно, что острый недостаток средств подействовал на Фридриха достаточно странно: он, всегда отличающийся необыкновенной трезвостью и расчетливостью, обратился за помощью к некой даме, занимавшейся алхимией. Последняя заверила короля, что «изготовит» золота на 1 млн. талеров. Конечно, сделать это ей удалось, но так как эксперимент был секретным, дальнейшая судьба дамы неизвестна.

Завоевание Саксонии являлось первой целью прусского короля. В связи с этим необходимые для войск мелкие монеты для покрытия первых потребностей уже были изготовлены по образцу лейпцигских монет в Кёнигсберге и Бреслау, пока в строгом соответствии с саксонскими нормами.

В 1796 году прусские солдаты вторглись в Саксонию и вскоре наголову разбивают ее защитников. Фридрих обязывает саксонцев уплатить контрибуцию в размере 5 млн. имперских талеров, а затем издал указ о включении лейпцигского монетного двора во владения прусской короны, что было вызвано, в частности, тем, что саксонский арендатор монетного двора Фреге остерегался ухудшать качество монет.

Новый арендатор нашелся в лице берлинской фирмы «Эфраим и сыновья», которая за чеканку миллиона имперских талеров в разменной монете была готова уплатить королю 200 тыс. имперских талеров. Причем качество этих денежек оказалось гораздо ниже исходного уровня. Так, при Фреге монетный масштаб составлял 14 талеров разменной монеты из марки серебра. Эфраим, чтобы вносить арендную плату, довел выпуск монет до 18 и даже 20 талеров.

Спустя некоторое время Эфраим предложил прусскому королю подделывать австрийские монеты достоинством в 7, 10 и 20 кройцеров из расчета 200 тыс. монет на 1 млн. талеров. Фридрих согласился, но, к счастью, население Богемии не слишком пострадало от такой аферы.

Между тем продукция саксонских монетных дворов под давлением нарастающих требований короля обесценивалась. Вместо первоначальных 14 талеров из 1 марки серебра стали чеканить 45 талеров в мелких монетах. Фридрих II, однако, в каждом договоре со своими монетными арендаторами специально оговаривал, что саксонские монеты не должны попадать в Пруссию. Выгода от этого мошенничества для прусского короля была огромной: он получил около 25 млн. талеров, что составило шестую часть от того, во что обошлась ему вся Семилетняя война.

Изготовление фальшивых денег со временем охватывало все более широкие круги «монетных господ». Первым среди них был граф фон Вид, который в своей мастерской чеканил недоброкачественные четырехгрошовые монеты, сбывая их в основном в Саксонии, где они составляли конкуренцию прусским подделкам. За графом фон Видом следовал маркграф фон Ансбах, организовавший производство фальшивых монет в своем родовом имении, и другие аферисты.

Обманываемый же народ возложил всю вину за монетные махинации на евреев, так как арендаторами королевских и многих других монетных дворов являлись в основном представители этой нации. Конечно, и в их руках оседало немало из того, что они делали по приказу своих господ. Восстановленный дворец Эфраимов в одном из районов Берлина стал ярким свидетельством их власти, но они тем не менее страшно боялись разоблачения, что означало бы для них не только разорение, но, возможно, и суд, а также какой-нибудь страшный приговор.

Однако не евреи были ответственны за фальшивомонетничество. Это видно из следующего эпизода.

Итак, Англия обещала Пруссии за кампанию против Франции, Австрии и России значительные субсидии, предоставление которых было начато в середине 1758 года: золото стоимостью 1 367 626 и серебро стоимостью 2 655 388 имперских талеров. Изготовление монет из полученных драгоценных металлов было поручено не арендаторам-евреям, а осуществлялось самим государством.

Фридрих Великий, знакомый со способами облагораживания меди, отправляет своему тайному военному советнику Фридриху Готтхольду Коппену послание, в котором значатся следующие слова: «Я располагаю информацией, что существует способ рафинирования меди, при котором обработанная рафинированная медь может использоваться вместе с золотом для чеканки монет, внутренняя ценность которых значительно выше, чем стоимость монет, сделанных из обычной меди. Если сейчас дополненные плохой медью монеты с изображением Фридриха (эти монеты должны были быть на самом деле золотыми) по своей ценности примерно соответствуют 2 талерам 12 грошам, то использование рафинированной меди повышает их стоимость до 4 талеров...

Так как это может дать значительную прибыль и увеличить доходы от чеканки монет, я пришел к решению, что все золото, субсидированное англичанами и пока не превращенное в монеты, должно быть использовано в соответствии с этим способом на монетном дворе

в Берлине. Все должно оставаться в моей собственности, чтобы никакие еврей-монетчики не имели с этим ничего общего и не могли отчеканить ни одной монеты из оставшегося английского золота». Как видно из этого письма, просвещенный абсолютный самодержец опять оказался в плену алхимических идей.

А вот отрывок из воспоминаний Бенджамина Фейтеля Эфраима, помогающий составить представление об аферах Фридриха Великого: «Король решил произвести уменьшение содержания драгоценного металла в монетах. То, как он хотел это сделать, было неправильным. Он не хотел ничего слышать о том, что содержание металла в монете не может быть совершенно произвольным. Для того чтобы разубедить его в этом, я привел пример с разменной монетой. Мне хватило мужества признаться в том, что я не внял его приказу, но, Бог свидетель, я всегда следовал правилу, что из всех циркулирующих монет не больше десятой части должно приходиться на разменные монеты.

Чеканку ущербных монет король обосновывал следующими соображениями: для того чтобы не допустить подъема промышленности в Польше, необходимо привести в негодность основной измеритель, оценивающий и воплощающий в себе все предметы, – польские деньги.

С одной стороны, я не рискнул говорить ему о несправедливости этих действий, так как он бы наверняка ответил: „Смотри-ка, еврей, а разыгрывает из себя честного человека“; с другой стороны, они вполне совпадали с моими интересами. В результате я должен был на фальшивые польские деньги закупать в Польше овощи и зерно».

Бенджамин Фейтель Эфраим завершает портрет Фридриха Великого, не единственного монарха-фальшивомонетчика, словами: «Привязанность большого человека чеканить в уменьшенном виде чужие монеты восходит еще к Семилетней войне. Эта страсть не покидала его, так как тем самым король находил не только необходимые для ведения войн средства, но и скрытым образом взимал контрибуцию со своих соседей».

«Пекарь античности»

Нередко между фальшивомонетчиками и теми, кто занимается подделкой монет, ставят знак равенства. Однако многие криминалисты и нумизматы выражают несогласие с подобным весьма распространенным мнением. Фальшивые монеты изготавливались высокопоставленными или рядовыми мошенниками во времена монетного хозяйства, причем чеканщики прибегали к уменьшению содержания в них драгоценных металлов или облегчению их веса, так что установленной стоимости такие монеты соответствовали лишь по внешнему виду, на самом же деле они стоили гораздо дешевле. Тем самым фальшивомонетчики наносили ощутимый ущерб как государству в целом, так и простым его гражданам, у которых в обращении находились такие монеты.

Подделывать же деньги стали гораздо позже, когда люди начали коллекционировать монеты разных стран и эпох. По свидетельству биографа римских императоров Светония, жившего где-то в начале I века н. э., одним из первых нумизматов в истории был император Август (63 год до н. э. – 14 год н. э.), любивший в дни торжеств одаривать своих друзей старыми монетами.

Плиний (23–79 годы) в своей «Истории» сообщает о том, что фальшивые монеты пользовались большой популярностью у римских патрициев, которые за один фальшивый денарий готовы были выложить несколько настоящих. Возможно, такое положение дел побудило римских фальшивомонетчиков расширить свое производство.

Особенно выгодна была подделка монет в эпоху Ренессанса, когда в кругах высшей знати распространилась мода на коллекционирование монет и оборудование специальных монетных кабинетов. Особенным спросом у нумизматов пользовались античные монеты. Коллекционерами монет были такие известные личности, как Микеланджело Буонарроти, Джорджио Вазари, императоры Максимилиан I и Карл V, Римский Папа Пий IV, король Испании Филипп II, Екатерина Медичи, Антуан и Иоанна Наварские, а также архиепископы Кёльна и Майнца.

В дневнике голландского художника и историка Губрехта Гольция (1526–1583 годы) упоминается около 950 монетных кабинетов, которые ему довелось посетить. Именно Гольций, являющийся автором трехтомного труда «Памятники римской и греческой античности, заключенные в старинных монетах», стал одним из основоположников нумизматики как вспомогательной исторической науки. Доподлинно известно, что к тому времени в Риме насчитывалась 71 крупная коллекция монет, в Неаполе – 47, в Париже и Аугсбурге – по 28, в Венеции – 25, в Брюсселе – 23 и в Антверпене – 22 коллекции.

Поскольку античные монеты представляли огромную редкость, многие искусные гравировщики занялись изготовлением их копий, что обещало им немалые доходы. Среди зачинателей этого прибыльного дела следует назвать Витторе Камелио (1460–1537 годы), Джованни Кавино (1500–1570 годы) и Алессандро Бассиано. Нумизматы не относят их к фальшивомонетчикам, так как работы этих мастеров являются настоящими произведениями искусства и мало чем отличаются от оригиналов. Кроме того, эти гравировщики создавали многочисленные «авторские» медали.

Античные монеты, изготовленные в мастерских Камелио, Кавино и Бассиано, позднее стали известны как падуанские. Они считаются подлинными медалями эпохи Возрождения.

Однако вернемся к предмету нашего интереса и выясним наконец, кем же был «пекарь античности» и почему его так называли. Под этим странным прозвищем скрывается вполне реальный человек, надворный советник оживленного промышленного города Оффенбаха Карл Беккер, который вошел в историю как самый крупный фальшивомонетчик всех времен

и народов. Фамилия его действительно переводится на русский язык как «пекарь». Среди его почитателей был сам Гёте. Кем же был этот загадочный человек?

Карл Вильгельм Беккер родился 28 июня 1772 года в семье члена городского совета и виноторговца Иоганна Вильгельма Беккера в старинном городе Шпейере, где находился и монетный двор. Отец старался дать сыну прекрасное образование с тем, чтобы тот продолжил семейное дело. Однако молодой человек строил собственные планы на будущее. Карл мечтал стать скульптором или заняться художественным промыслом. Но отец послал его на обучение к одному виноторговцу в Бордо. Именно с этого времени Беккер и увлекся изучением старых монет и начал делать их зарисовки. Кроме того, он получил некоторые навыки в искусстве гравировки, что и определило его дальнейшую судьбу.

В 1795 году во Франкфурте Карл открыл собственную винную торговлю. Однако спустя три года он забросил это дело и, переехав в Мангейм, организовал торговлю сукном, но и это занятие, так же как и предыдущее, не принесло ему ожидаемого коммерческого успеха. В результате в 1803 году Беккер окончательно оставил торговлю и обратился к художественному промыслу. По утверждению биографа Беккера М. Пиндера, это были работы по золоту.

Достоверных сведений о жизни Беккера в рассматриваемый период не сохранилось. Следы его деятельности обнаруживаются в Шпейере, Мангейме и Мюнхене, где он работал на императорском монетном дворе и специализировался на изготовлении монетных печатей, постепенно совершенствуя свое мастерство.

Именно в Мюнхене приключилась история, которая способствовала обращению Беккера к подделке монет. Как-то раз он купил у барона фон Шеллерсгейма фальшивую монету, отчеканенную во времена Римской империи. Распознав подделку, Беккер в тот же день высказал Шеллерсгейму справедливые претензии. Ответ барона буквально его ошеломил. «Все правильно. Если чего-то не понимаешь, то не следует этим и заниматься». Как спустя много лет признавался сам Карл Беккер, с этого момента он и превратился в фальшивомонетчика. Причем первый же образец из его фальсификаторской мастерской стал предметом мести обидчику. Беккер обменял его на подлинную монету через посредника, работавшего на Шеллерсгейма.

Описываемые события происходили в 1804 или в 1805 году. С тех пор чеканка античных монет приобретала все большие масштабы. Поначалу Беккер предпочитал изготавливать золотые монеты. Он покупал те из них, которые имели широкое хождение (достать их не составляло особого труда), а затем переплавлял по античным образцам. С серебряными монетами, к подделке которых Беккер приступил несколько позднее, он поступал точно так же.

Прежде чем приступить к работе, Карл тщательнейшим образом изучил приемы, которые использовали в своей практике античные мастера. Для того чтобы максимально приблизить свои изделия к оригиналам, Карл отказался от использования появившихся в эпоху Средневековья специальных прессов и производил чеканку вручную. Кроме того, он возвратился к так называемой двойной чеканке. Так же как античные мастера, в том случае если чеканка получалась слабой, Беккер повторно использовал штамп. В результате контур оттиска получался двойным. Изготовленную таким способом подделку очень сложно было отличить от подлинной монеты.

Несмотря на все хитроумные уловки фальшивомонетчика, нашелся-таки человек, который смог разоблачить его. Речь идет о Георге Фридрихе Кройцере (1771–1858 годы), который являлся знатоком античной литературы и искусства и создателем многих трудов на эту тему. Уже в 1806 году по воле случая он сумел добыть доказательство того, что «искусный Беккер копирует греческие королевские монеты».

Однако Беккер и не подумал хотя бы каким-то образом отреагировать на предупреждение Кройцера и с еще большим рвением продолжал заниматься подделкой монет. Более того,

спустя год после пресловутого разоблачения он изобрел новую древнегреческую монету – так называемый антипатер.

В 1810 году Беккер отправился в путешествие по Швейцарии и Италии. В этом же году он гостил у директора миланского монетного кабинета Брера, которому продал монеты на сумму 6986 лир.

В 1812–1813 годах по неведомым причинам Беккер снова обратился к торговле вином и стал совладельцем одной из торговых фирм в Мангейме. Вскоре он открыл там же антикварный магазин для «повышенных запросов». В число крупнейших клиентов Беккера входил князь Карл Фридрих фон Изенбург-Бирштейн, принадлежавший к Рейнскому союзу 16 князей, которые в 1806 году вышли из «Священной Римской империи германской нации» и присоединились к Наполеону. Как сообщает М. Пиндер, из испанского похода наполеоновской армии князь привез «прекрасную коллекцию монет и, прежде всего, полный комплект монет вестготов».

Князь с большой симпатией относился к удивительно образованному любителю античности, то есть Карлу Беккеру, и даже пригласил его в Оффенбах, на что Беккер любезно согласился. Так он получил сначала должность библиотекаря, а затем – надворного советника изенбургского двора.

Многие представители княжеского двора были не прочь использовать таланты Беккера для собственного обогащения. Особенное рвение в этом вопросе, по свидетельству М. Пиндера, проявлял маркиз Иоганн Габриэль фон Частелер (1763–1825 годы). Беккер не спешил соглашаться на сомнительные предложения, понимая их тайный умысел. К тому же он отнюдь не нуждался ни в чьем покровительстве, поскольку располагал надежной сбытовой сетью, которая, в частности, включала известные еврейские торговые и банкирские дома. Среди них прежде всего следует назвать Коллинов в Оффенбахе, Джованни Рикарди в Венеции, Оппенгеймеров и даже Ротшильдов. Так, в 1806 году от фирмы «Мейер Амшель Ротшильд и сын» Беккер получил заем, который спустя пять лет погасил фальшивыми монетами. Ротшильды же, ничего не подозревая, подтвердили получение золотых монет следующими словами: «Мы видим, что имеем дело с честным человеком».

В 1815 году Беккера посетил Иоганн Вольфганг фон Гёте. Встреча с надворным советником не оставила поэта безразличным, потому что чуть позже он сделал в своем дневнике такую запись: «Надворный советник Беккер в Оффенбахе показал мне значительные картины, монеты и геммы, и при этом он иногда не отказывал в подарке гостю полюбившейся ему вещи».

В книге Гёте «Искусство и древность» есть следующие слова: «Господин Беккер, высоко ценимый знаток монет и медалей, собрал значительную коллекцию монет всех времен, поясняющую историю его предмета. У него же можно увидеть значительные картины, бронзовые фигурки и другие древние произведения искусства различных видов».

В письме Й. К. Эрманну Гёте еще раз упоминает о Беккере, причем из текста становится понятно, что поэт знает наверняка о характере основной деятельности надворного советника. Гёте пишет о том, что Беккер, как и прежде, располагает «резиденциями» для развития своего «монетного дела» во многих городах.

Беккер, и в этом следует отдать ему должное, был неутомимым тружеником. Для изготовления своих подделок он ни разу не использовал отливки с настоящих монет. Каждый раз он чеканил монеты заново. А это означает, что для изготовления 330 монет ему требовалось примерно 600 штампов, поскольку для чеканки отдельных экземпляров он использовал аверс или реверс других монет. Некоторые монеты, так же как и вышеупомянутый «антипатер», явились исключительно плодом его фантазии, потому что аналогов в истории просто-напросто не существовало.

В своем ремесле Беккер вынужден был полагаться только на свои собственные силы, поскольку привлечение к делу помощников могло повлечь за собой разоблачение его обмана. Только в 1826 году, когда Карлу Вильгельму начало отказывать зрение, что не преминуло сказаться на качестве его работ, он нанял помощника – Вильгельма Циндера. К тому времени всем уже было известно, чем занимается надворный советник в промежутках между выполнением своих прямых обязанностей, поэтому наконец он смог себе это позволить.

Поистине удивительным представляется умение этого человека распределять свое время. То, как он успевал выполнять обязанности библиотекаря, постоянно проводить беседы с покровителем, совершать «деловые поездки» в Италию и Австрию и при этом заниматься своим промыслом, остается загадкой. Ведь на изготовление некоторых штампов, особенно тех, которые предназначались для чеканки древнегреческих монет, у мастера уходило до 12 недель.

Изделия Беккера к тому времени достигли высочайшего совершенства. Французский эксперт-криминалист XIX века Поль Эдель, который специализировался в области искусствоведения, в связи с этим писал: «Ему (Беккеру) подвластно все: элегантная грация греков, строгая красота римского искусства, оригинальность и причудливость средневековых монет».

Действительно, коллекция отчеканенных Беккером фальшивых монет охватывала огромный период – с VII века до н. э. до XVIII века. Она включала монеты из Сицилии, Греции, Древнего Рима и его итальянских провинций, из Карфагена, Тракии, Македонии, Крита, Пергамона, Сирии, Финикии, Египта, монеты вестготов, Меровингов, Каролингов, германских императоров и епископов из Майнца.

Для того чтобы выпускаемая им продукция имела подлинно античный вид, надворный советник разработал собственную технологию. К рессорам своей двуколки находчивый мошенник прикрепил открытую емкость, в которую помещал монеты, перемешанные с тщательно пропитанной жиром металлической стружкой. Когда двуколка проносилась по городской брусчатке или по пыльной проселочной дороге, монеты подвергались интенсивным грязевым процедурам, от которых быстро старились, приобретая вид подлинных экспонатов древности. Недаром на страницах дневника Беккер с характерной для него скрупулезностью записывал: «Опять вывозил свои монеты».

Образцами для подделок Беккеру служили монеты из богатой коллекции князя, к которой он имел доступ с 1814 года. При этом Беккер частенько подменял подлинники, продавая их затем за немалые суммы. Аналогичным образом он поступал и с другими коллекционерами, даже не подозревавшими о подмене. С достаточной откровенностью Беккер писал о подобных своих проделках в письме в Альтенбург, господину фон Габеленцу: «Что касается «Юлии Тити», она настолько хорошо сохранилась, она так редка и изысканна, что мне трудно с ней расстаться. Прошу Вас проявить еще немного терпения. Вы обязательно получите ее и другие монеты, как я Вам и обещал. Делаю это потому, что рассчитываю и от Вас получить что-нибудь действительно редкое».

Так доверчивый нумизмат получил вместо своих подлинников изделия Беккера. Директор берлинского монетного кабинета с 1854 года Юлиус Фридлендер (1813–1884 годы) в посвящении отцу Й. Г. Бенони Фридлендеру писал о Беккере следующее: «Он нашел в коллекции моего отца „свои“ серебряные монеты, обрадовался и сказал, что это наверняка хорошие копии, раз в них поверил такой знаток! А на следующий день в качестве „доказательства“ он прислал бронзовые экземпляры тех же монет, потому что тогда обстоятельства вынудили его признать, что изготавливает он античные монеты якобы для того, чтобы коллекционеры, которые не могут достать настоящие монеты, получили хотя бы их копии».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.